



ВЕСТНИК

Института права
Башкирского государственного
университета

№ 2(2020)

Электронный
научный журнал

Учредитель

ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет»

Издатель

ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный университет»

**Редакционный совет
журнала:**

**Председатель редакционного
совета**

И.А. Макаренко,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой криминалистики.

**Заместитель председателя
редакционного совета**

А.Б. Галимханов,

кандидат юридических наук, проректор
Башкирского государственного
университета по учебно-методической
работе, доцент кафедры криминалистики.

**Члены редакционного
совета:**

Г.М. Азнагулова,

доктор юридических наук, доцент,
первый заместитель директора
Института права, заведующая кафедрой
теории государства и права;

Ф.Г. Аминева,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики;

Е.Л. Васянина,

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой финансового
права Санкт-Петербургского государственного
экономического университета;

Ф.Х. Галиев,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства
и права;

Р.Х. Гизатуллин,

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры финансового и экологического права;

А.А. Тарасов,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного
права и процесса;

Е.М. Тужилова-Орданская,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского
права;

Н.А. Саттарова,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой финансового и
экологического права;

А.А. Эксархопуло,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики;

Р.Г. Юсупов,

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры государственного
права;

В.А. Анисимов

кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права;

Л.Ш. Гумерова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственного права;

М.Б. Кострова,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и процесса;

О.М. Крылов,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственного права;

З.А. Юсупова,

кандидат филологических наук, доцент
кафедры международного права
и международных отношений.

Главный редактор
Ф.Х. Галиев,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права;

Выпускающий редактор
О.И. Макова,
начальник Научно-инновационного центра Института права.

**Редактор англоязычных
текстов**
Н.М. Мухаметгареева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры международного права
и международных отношений.

Технический редактор
А.В. Бабенкова.

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.
Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:
ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Тимонин А.Н.

О некоторых трудностях формирования правового государства в России7

Ямалетдинова Н.В.

Юридические коллизии: пути преодоления15

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Панькина И.Ю., Ваулин В.В.

Легитимность в механизме правового нормоконтроля22

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Королёва Д.В.

О возможности отнесения сделок, совершенных с просрочками исполнения,
к обычной хозяйственной деятельности должника-банкрота29

**ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО**

Мухаметгареева Н.М., Юсупова З.А.

Реформирование законодательства Европейского
союза в природоохранной сфере33

**КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Семёнова О.Ю.

Проблемы получения медицинских документов на этапе проверки сообщений
о преступлениях, совершенных медицинскими работниками вследствие
ненадлежащего исполнения ими профессиональных обязанностей38

Тагиров Р.А.

Особенности обстановки совершения мошенничества в сфере кредитования43

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Мурзабулатов У.М.

Путь к кодификации исполнительного права лежит через систематизацию
стадий исполнительного производства53

Слепнёв Е.Л., Галеева Г.Е.

Принципы исполнительного производства58

Bulletin of the
Institute of Law
of the Bashkir
State University

№ 2 (6)

2020

Published since 2018
Issued four per year

Founder

Bashkir State University

Publisher

Bashkir State University

Council of Science Editors:

Head of Council

I.A. Makarenko,

Doctor of Law, Professor, Head
of the Chair of Criminalistics.

Deputy Head of Council

A.B. Galimkhanov,

Candidate of Sciences (Law), Vice-Rector
for Academic Work, Assistant Professor
of the Chair of Criminalistics.

Editorial Council Members:

G.M. Aznagulova,

Doctor of Law, Associate Professor,
First Deputy Director of the Institute
of Law, Head of the Chair of Theory
of State and Law;

F.G. Aminev,

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Chair of Criminalistics;

E.L. Vasyanina,

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Chair of Financial Law,
St. Petersburg State University of Economics;

F.Kh. Galiev,

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Chair of Theory of State and Law;

R.Kh. Gizatullin,

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Chair of Financial and
Environmental Law;

A.Al. Tarasov,

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair
of Criminal Law and Procedure;

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya,

Doctor of Law, Professor, Head
of the Chair of Civil Law;

N.A. Sattarova,

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair
of Financial and Environmental Law;

A.A. Eksarhopulo,

Doctor of Law, Professor, Professor
of the Chair of Criminalistics;

R.G. Yusupov,

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Professor of the Chair
of Constitutional Law;

B.A. Anisimov

Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Civil Law;

L.Sh. Gumerova,

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,
Assistant Professor of the Chair
of Constitutional Law;

M.B. Kostrova,

Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor, Professor of the Chair
of Criminal Law and Procedure;

O.M. Krilov,

Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor, Head of the Chair
of Constitutional Law;

Z.A. Yusupova,

Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor, Assistant
Professor of the Chair of International
Law and International Relations.

■

Editorial Board:

Editor-in-Chief
F.Kh. Galiev,

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Chair of Theory of State and Law.

Executive Editor
O.I. Makova,

Head of Science and Innovation Campus
of the Institute of Law.

English Texts Editor
N.M. Mukhametgareeva,

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair
of International Law and International Relations.

Technical Editor
A.V. Babenkova.

E-mail vest-law@yandex.ru;
Tel.: (347)228-90-30.

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

**THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE
OF STATE AND LAW**

Timonin A.N.

About Some Difficulties in the Rule-of-Law State Development in Russia7

Yamaletdinova N.V.

Legal Conflicts: Ways of Overcoming15

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Pankina I.Yu., Vaulin V.V.

Legitimacy in the Mechanism of Regulatory Control22

CIVIL LAW; FAMILY LAW; BUSINESS LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Koroleva D.V.

On the Possibility of Assigning a Debtor-Bankrupt Transaction Made
with Late Payments as an Ordinary Business Activity of a Debtor29

**LAND LAW; NATURAL RESOURCES LAW;
ENVIRONMENTAL LAW; AGRICULTURAL LAW**

Mukhametgareeva N.M., Yusupova Z.A.

The Reform of the European Union Legislation in the Environmental Field33

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Semyonova O.YU.

Problems of Obtaining Medical Documents at the Stage of Verification
the Reports of Crimes Committed by Medical Workers as a Result
of Their Misfeasance of Professional Duties38

R. A. Tagirov

Specific Character of Credit Fraud43

CIVIL PROCEDURE; ARBITRAL PROCEDURE

Murzabulatov U.M.

Executive Law Codification Through Systematization of Enforcement
Proceedings Stages53

Slepnev E.L., Galeeva G.E.

Principles of Enforcement Proceeding58

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 34.0

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.1

А. Н. Тимонин

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Дата поступления 2 июня 2020 г.

В условиях обострившейся информационной войны актуальными остаются вопросы, связанные с формированием в Российской Федерации правового государства. Судьба всех западных институтов либерально-демократического толка, когда-либо внедренных в России без учета ее самобытности, всегда одна и та же: копии оказываются не только хуже оригиналов, но и являются собой примеры «с обратным знаком». Как результат, политико-правовые институты современной России поразительно близки реалиям не Западной Европы, а странам с «руководимой демократией». Неразрешенность вопросов о том, кто мы, откуда, куда идем, не способствует замещению отечественных государственно-правовых институтов зарубежными. Напротив, возрождаются многие атрибуты традиционной политической и правовой культуры. Это приводит к появлению все новых очевидных препятствий для формирования правового государства.

Ключевые слова и фразы: конституция, конституционализм, конституционалисты, западные ценности, правовое государство, имитация, имитационное государство.

A. N. Timonin

ABOUT SOME DIFFICULTIES IN THE RULE-OF-LAW STATE DEVELOPMENT IN RUSSIA

Under the conditions of the information war, the issues concerning the development of the rule-of-law state in the Russian Federation remain relevant. The fate

of all Western liberal-democratic institutions ever implemented in Russia without taking into account its uniqueness is always the same: the copies are not only worse than the originals, but they are also the examples of «reversed sign». As a result, the political and legal institutions of modern Russia are strikingly close to the countries with a «managed democracy» but not to Western Europe democracy. The unresolved questions: who we are, where we are from, where we are going, don't work towards the substitution of domestic state-legal institutions to the foreign ones. Contrariwise, many attributes of traditional political and legal culture are reappeared. This creates new obvious counterchecks for the establishment of a rule-of-law State.

Keywords and phrases: constitution, constitutionalism, constitutionalists, western values, constitutional state, imitation, imitative state.

Весь комплекс идей, так или иначе связанных с феноменом правового государства, до сих пор находится в центре внимания ученых нашей страны, хотя эти идеи популярны и получили конституционную «прописку», они совсем не бесспорны. Прежде всего, сомнение вызывает их научный статус. Чему должен верить рядовой гражданин: своим собственным глазам, наблюдая, как сильные мира сего нарушают все, что можно нарушить, или же идеологам и их идеологемам, пусть даже зафиксированным в соответствующих конституционных текстах? Для идеологов, призывающих всех и вся забыть о «жизненных мелочах», насущные проблемы рядового гражданина не имеют значения. Для них гораздо важнее другое – в очередной раз выразить свое восхищение конституционными формулировками, чтобы сограждане в очередной раз поверили тем, кто регулярно демонстрирует им собственное безверие.

Все хорошо помнят, как после крушения СССР уже на третьем году переходного периода, до завершения которого нам далековато и сегодня, была принята Конституция РФ. В свое время Ю.В. Андропов заявил: «Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» [1, с. 294]. Кто мы? Откуда? Куда идем? Эти вопросы до сих пор остаются открытыми. Но разве их неразрешенность смущала кого-то из современных конституционалистов, которые вместо решения насущных проблем, стоящих перед страной, предлагают с головой погрузиться в теоретизирование, свойственное их предшественникам – философам школы социального контракта, склоняя на все лады сугубо абстрактные доктринальные положения? При этом конституционалисты забывают о том, что творчество отцов-основателей контракта было перегружено самыми разными гипотезами: гипотетических лю-

дей помещали в гипотетическую окружающую среду, из которой они выходили гипотетическим же путем. Нам могут возразить, что многие из этих положений были зафиксированы в соответствующих конституциях. Если все дело в конституциях, то вместо двухсот поправок к действующей Конституции РФ, необходимость принятия которых очевидна каждому патриоту, надо было настаивать на принятии двухсот конституций, украшенных алмазами, бриллиантами, другими драгоценностями, на появлении конституционных текстов, выполненных из чистого золота или платины. Но поможет ли это нашей стране заметно продвинуться по пути, намеченному в Основном законе, достичь заветной цели – формирования правового государства? Думается, не поможет. Любому, даже самому последовательному стороннику идеи правового государства, вскоре станет очевидна одна простая истина: для многих сограждан, в особенности чиновников, правовое государство сродни линии горизонта – чем ближе подходишь, тем дальше оказываешься от искомой цели.

Для появления любого государства необходимы соответствующие предпосылки, объективные и субъективные. Не составляет исключения в этом плане и правовое государство, все рассуждения о котором лишаются смысла без наличия развитого гражданского общества, способного эффективно контролировать деятельность государственных чиновников. Кто кого контролирует в нашей стране: мы чиновников или же они нас? Ответ лежит на поверхности: такого гражданского общества история нашей страны не знала никогда, нет его и сегодня. Примат политики над экономикой, власть-собственность до сих пор роднят нас не с милой сердцу любого западника евроатлантической цивилизацией, а с другой макроцивилизацией – Большим Востоком. Чего стоит один лишь имперский архетип – глубинная основа феномена пожизненного политического лидерства! До сих пор актуально наблюдение Л.Л. Тайвана: «Христианин Востока, будь то россиянин или житель Югославии, возвращаясь к духовным основам отцов, вскоре обнаруживает, что и его политический идеал – христианская империя» [2, с. 6]. Какая же «империя» без императора!

Далеко не случайно, что к президентским выборам у нас относятся совершенно иначе, чем к выборам в Государственную Думу, которая с легкой руки В.И. Ленина в народном сознании прочно ассоциируется с «говорильней». Не случайно именно президентские выборы в России воспринимаются как судьбоносные, и во время их проведения на избирательные участки устремляется абсолютное большинство избирателей. Вот что по этому поводу пишет В.В. Бочаров: «Порой заимствованные элементы ПК (политической культуры. – А. Т.) Запада не только не способствуют "прогрессу", но, наоборот, ведут к "архаизации" политико-правовой сферы. Например, привнесе-

ние института выборности не регулирует конкуренцию между общественно-политическими силами, а реально "работает" на укрепление авторитарно-иерархических отношений в социуме. Здесь выборы обретают функцию демонстрации "сплоченности" социума вокруг существующей власти, легитимации "вертикали"» [3, с. 101]. Это и понятно, ведь главная цель таких выборов, как и во всех странах Востока, – демонстрация лояльности населения носителю верховной власти.

Продолжая эту мысль, стоит вспомнить высказывание всемирно известного французского компаративиста Р. Давида. Еще во второй половине прошлого века он подметил, что «пересечь границу социалистической страны – это значит попасть в новый мир с другой постановкой проблем, в мир, где такие понятия, как демократия, выборы, парламент, федерализм, профсоюзы и другие политические институты ... приобретают часто другой смысл» [4, с. 152]. Хотя наша страна не так давно рассталась с «социализмом», ее политико-правовые институты поразительно близки реалиям не Западной Европы, а странам с «руководимой демократией», одной из которых является Камерун, где нет подлинного разделения властей, парламентская жизнь, права и свободы граждан носят формальный характер, верховную власть отличают такие признаки, как концентрация и персонализация. В Камеруне, как и в России, партийная структура срастается с государством [5, с. 225]. Было бы нелепо отождествлять такую космическую державу, как Россия, сохраняющую советское наследие не только в сфере правовой культуры и правосознания, с государствами Африканского континента. Остатки ВПК, фундаментальной науки и высшего образования не позволяют причислять современную Россию к странам «третьего мира». Гораздо меньшую роль в ней играет и религиозный фактор.

Другим примером может служить такая далеко продвинувшаяся по пути демократизации и модернизации страна, как Индия, где сегодня даже пятилетние дети создают свои аккаунты в Интернете. Но не следует забывать о том, что индийские ученые еще в середине прошлого века совершали религиозные обряды и приносили жертвы приборам, чтобы опыты удались. Иначе дело обстоит в России. Здесь многие преподаватели-юристы с гордостью заявляют, что они не верят ни в бога ни в черта. Готовы ли они при этом поверить в закон?

Для ответа на этот вопрос надо обратиться к воспоминаниям бывшего Генерального прокурора РФ Ю.И. Скуратова, который довольно откровенно поведал о том, что голосовал за Б. Ельцина, не понаслышке зная о грубейших фактах нарушения им конституционных норм: «Я и в 1996 г. голосовал за Ельцина, считал – против голосовать нельзя: все-таки мы находимся в одной команде. А закон команды – это закон команды: на чужаков не играть, в

свои ворота мячей не забивать, удары чужаков не пропускать» [6, с. 18]. Как тут не вспомнить знаменитое ленинское изречение, ставшее крылатой фразой: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Эта максима хорошо известна не только Ю.И. Скуратову, но и его уфимским единомышленникам, позиционирующим себя сторонниками правового государства и одновременно подвергающим дискриминации инакомыслящих. Для лиц, лишенных доступа к государственной власти, существует возможность утверждения демократии и законности в рамках малых пространств. Правда, такая возможность связана с определенными жертвами. Надо будет забыть о частных и корпоративных интересах во имя реализации интересов общественных. Тут, как говорится, каждый решает сам: готов ли он к самопожертвованию во имя торжества публичных интересов, без которых государство немислимо как таковое, или же, напротив, готов навсегда погрузиться в частную жизнь, смирившись с деградацией всего государственного. Такая позиция чревата очередной потерей собственной государственности, при которой для наших западников сохраняется призрачная возможность «сеять разумное, вечное, доброе» где-нибудь в Швейцарии или Калифорнии. Но ждут ли там мнимых конституционалистов из Екатеринбурга или Уфы?!

Современным вестернизаторам всего российского, будь то наука или система образования, совершенно невдомек, что холодная война, объявленная Западом нашей стране, никогда не прекращалась. Не понимают они и того очевидного факта, что эта война сегодня идет по всем фронтам, охватывая в том числе и такие, казалось бы, далекие от современности сферы, как история. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что Великая Победа в Великой войне в их глазах значит гораздо меньше, нежели Конституция 1993 г., ибо она была разработана по образу и подобию конституций стран Запада. Не скрывают они своего удовлетворения и тогда, когда констатируют: «В настоящее время в России принята западная модель обучения, основанная на разных тренингах, целью которых является освоение конкретного навыка» [7, с. 33].

На первый взгляд, так оно и есть: самыми разными тренингами сегодня охвачены все ступени образования, начиная со средней школы и заканчивая аспирантурой. Более того, подписав Болонскую конвенцию, Россия стала активно внедрять двухуровневую систему высшего образования. Правда, эти и другие нововведения внедрялись и внедряются без каких-либо опросов среди учительского сообщества, профессорско-преподавательского состава и сопровождаются тотальной бюрократизацией жизнедеятельности высшей школы. Сегодня как никогда актуальны ленинские слова: «Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это» [8, с. 180]. «Самый худший у нас внутренний враг – бюрократ» [9, с. 15]. Сегодня пагубной бюрократизацией

охвачены практически все те сектора государственной жизни, где трудятся работники бюджетной сферы: учителя, врачи, преподаватели высшей школы и др., которые буквально задыхаются от бессмысленной бумажной волокиты. Бумаги, бесконечные бумаги с фатальной неизбежностью формируют у работников формально-бюрократическое отношение к делу.

Большого вреда, чем тот, который наносится работе систем образования и здравоохранения, трудно придумать любому иностранному агенту. Государство в лице своих чиновников должно привлекать к себе сограждан, но вместо растущего сближения государственного аппарата и трудящихся налицо взаимное отторжение. Дело доходит до вполне откровенных заявлений, исходящих от чиновников высокого ранга: «У молодежи, у подрастающего поколения, складывается понимание того, что государство нам все должно. Нет. Вам государство в принципе ничего не должно, вам должны ваши родители» [10]. Тут, как говорится, ни прибавить ни убавить. В этом высказывании О. Глацких, как в капле воды, отразилось плохо скрываемое отношение практически всех чиновников Российской Федерации к рядовым гражданам. Как нам преодолеть проблемы государственной жизни? Каким «лекарством» можно излечить те недуги, которыми сегодня страдает государство российское?

Наши доморощенные конституционалисты привычно связывают свои ответы с Конституцией 1993 г., а ее – с Западом, с западными ценностями, с западным образом жизни, которые они стремились и стремятся утвердить в нашей стране. Все это нередко преподносилось и преподносится как движение по европейскому пути, по пути возвращения в «мировую цивилизацию». Была ли когда-то в ее составе Россия или же все время оставалась суверенной самобытной цивилизацией, не столь важно, важнее другое – в Конституции РФ 1993 г. получили постоянную «прописку» конституционные принципы западного толка, западного происхождения. Главное для них – абстрактное цивилизаторство, столь же абстрактная цивилизационная миссия прав абстрактного человека и абстрактного правового государства. Впрочем, было бы большой ошибкой говорить о том, что они довольствуются лишь пустыми абстракциями, свойственными абстрактным общечеловекам. Нет, конечно же, некоторые из них, такие как М.Р. Габитов, предлагают свои рецепты, стремясь внести свой вклад в дело окончательной и бесповоротной победы коллективного Запада над нашей страной. При этом они не только не знают и, что самое печальное, знать не желают специфики страны, в которой живут и которой навязывают свои схемы, лишённые даже намека на фактическую сторону дела.

Но, как уже было не раз замечено, судьба всех западных институтов, когда-либо внедрённых в России без учета ее самобытности, всегда одна и та же: вместо бакалавриата мы получили бякалавриат, вместо демократии – демократуру, вместо подлинного конституционализма – конституционализм

мнимый, вместо разделения властей – порой войну властей. Иначе и быть не могло в стране, которая начиная с Петра I в очередной раз пытается казаться Европой. Имитация всего и вся не имеет ничего общего с европейской культурой, невысказанной без активной, творческой и преобразующей деятельности. Стоит ли удивляться тому, что в отдельных учебниках и учебных пособиях по теории государства и права пробивает себе дорогу мысль об особом историческом типе государства – имитационном.

Список использованной литературы

1. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М. : Политиздат, 1983. 320 с.
2. Тайван Л.Л. Стивен Рансимен и его византология // Рансимен С. Восточная схизма: византийская теократия / авт. предисл. Л.Л. Тайван ; РАН, Ин-т востоковедения. М. : Наука : Вост. лит., 1998. С. 5–14.
3. Бочаров В.В. Российская власть в политико-антропологической перспективе // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 92–103.
4. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М. : Прогресс, 1988. 495 с.
5. Ковлер А.И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории / отв. ред. В.Е. Гулиев ; АН СССР, Ин-т государства и права. М. : Наука, 1990. 254 с.
6. Скуратов Ю. Вариант дракона. М. : Детектив-пресс, 2000. 316 с. URL: <https://www.rulit.me/books/variant-drakona-read-13884-18.html> (дата обращения: 15.03.2020).
7. Габитов М.Р. Введение дизайнерского подхода в юридическое образование // Вестник ВЭГУ. 2018. № 3 (95). С. 33–42.
8. Ленин В.И. Г.Я. Сокольникову // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1975. Т. 54. С. 180.
9. Ленин В.И. О международном и внутреннем положении советской республики: речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 45. С. 1–16.
10. Благинина Е. «Никто не просил вас рожать»: уральская чиновница заявила о том, что государство ничего не должно молодежи // Комсомольская правда. 2018. 8 нояб. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26903.7/3948698> (дата обращения: 15.03.2020).

References

1. Andropov Yu.V. *Izbrannye rechi i stat'i* [Selected Speeches and Papers]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 320 p.
2. Taiwan L.L. Stephen Ransimen and his Byzantology. In Ransimen S. *Vostochnaya skhizma: vizantijskaya teokratiya* [Eastern Schism: Byzantine Theocracy]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 1998, pp. 5–14. (In Russian).
3. Bocharov V.V. Russian Authorities in the Political and Anthropological Outlook. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Policy Research*, 2011, no. 6, pp. 92–103. (In Russian).
4. David R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Basic Legal Systems of Our Time]. Moscow, Progress Publ., 1988. 495 p.
5. Kovler A.I.; Guliev V.E. (ed.). *Istoricheskie formy demokratii: problemy politiko-pravovoj teorii* [Historical Forms of Democracy: Problems of Political and Legal Theory]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 254 p.
6. Skuratov Yu. *Variant drakona* [Dragon Variation]. Moscow, Detektivpress Publ., 2000. 316 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/variant-drakona-read-13884-18.html>. (In Russian).
7. Gabitov M.R. Introduction of a Design Approach to Legal Education. *Vestnik VEGU = VEGU Bulletin*, 2018, no. 3, pp. 33–42. (In Russian).
8. Lenin V.I. G.Ya. Sokolnikov. In Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1975, vol. 54, p. 180. (In Russian).
9. Lenin V.I. On the International and Domestic Situation of the Soviet Republic: Speech at a Meeting of the Communist Faction of the All-Russian Congress of Metalworkers on March 6, 1922. In Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1975, vol. 45, pp. 1–16. (In Russian).
10. Blaginina E. «No One Asked You to Give Birth»: the Ural Official Said that the State Owes Nothing to Youth. *Komsomol'skaya pravda = Komsomol Truth*, 2018, 8 Nov. Available at: <https://www.ural.kp.ru/daily/26903.7/3948698>. (In Russian).

Информация об авторе

Тимонин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа;
e-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru

Information about the Author

Timonin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Ufa;
e-mail: timonin.anatoly2011@yandex

УДК 342.5

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.2

Н. В. Ямалетдинова

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Дата поступления 9 июня 2020 г.

Юридическая природа коллизионного права проявляется, прежде всего, в коллизионных нормах, рассредоточенных в различных отраслях права, обеспечивающих структурную организованность правовой системы. Следовательно, коллизионное право не имеет ярко выраженной отраслевой принадлежности и является комплексным межотраслевым правовым институтом. В статье исследованы основные пути преодоления юридических коллизий, охватывающие весь период развития коллизионной ситуации: превентивные меры недопущения противоречий в праве, формы выявления конфликта в правовых предписаниях и способы разрешения коллизий.

Ключевые слова и фразы: юридическая коллизия, коллизионное право, преодоление коллизий, предотвращение коллизий, способы разрешения коллизий.

N. V. Yamaletdinova

LEGAL CONFLICTS: WAYS OF OVERCOMING

The legal nature of legal conflicts is manifested first of all in conflict norms, dispersed in various branches of law, ensuring the structural base of the legal system. Therefore, conflict of law does not belong to a special law branch and it is a complex intersectoral legal institution. The article examines the main ways to overcome legal conflicts, the author examines the entire period of the legal conflicts' development: preventive measures to prevent contradictions in law, forms of conflict detection in legal regulations and ways to resolve conflicts.

Keywords and phrases: legal conflict, conflict of laws, conflict resolution, conflict prevention, conflict resolution methods.

Современное российское законодательство представляет собой сложноструктурированную многоотраслевую систему правовых предписаний, со-

четающую возможность регламентации различных общественных отношений с учетом национальных и региональных особенностей, интересов центра и периферии. Одновременно действуют нормативные правовые акты разной иерархии, времени принятия, регулирующие разные социальные сферы. При этом столь объемная по своему содержанию система законодательства содержит несогласованные, противоречивые и конкурирующие правовые нормы, что порождает такое правовое явление, как юридическая коллизия.

Термин «коллизия» (от лат. *collisio* – столкновение) трактуется как столкновение противоположных сил, интересов, стремлений. В правовом контексте под коллизией понимается расхождение между положениями нормативных правовых актов или иных источников права, регламентирующих одни и те же либо смежные общественные отношения.

В современном российском законодательстве обнаруживаются противоречия как между положениями одного нормативного правового акта, так и отдельных отраслей права. Иллюстрацией подобной противоречивости может быть следующая ситуация. Статья 1 УПК РФ устанавливает, что источниками уголовно-процессуального права являются Основной закон РФ, УПК РФ, международные договоры РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права. Таким образом, законодатель «закрыл» перечень источников уголовно-процессуального права и не включил в него иные нормативные правовые акты, что не согласуется с другими нормами Кодекса. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 7 УПК РФ суду, прокурору, следователю, органу дознания, начальнику органа дознания, начальнику подразделения дознания и дознавателю запрещается применять федеральные законы, противоречащие нормам УПК РФ, а ч. 4 ст. 16 УПК РФ предусматривает возможность использования иных федеральных законов для определения возможности получения бесплатной юридической помощи.

В отечественной и зарубежной правовой науке проблема юридических коллизий, как правило, рассматривается косвенно, сквозь призму соотношения источников права и определения необходимости выбора той или иной правовой нормы. В системе права России на данный момент коллизионное право не выделяется как самостоятельная отрасль.

В научной среде отсутствует единый подход и к определению понятия и содержания коллизионного права. Анализ доктринальных концепций позволил выделить три основные точки зрения по данному вопросу. Согласно первой коллизионное право традиционно рассматривается как обязательная, «титурообразующая» часть международного частного права [1, с. 8–9]. Представители второй концепции полагают, что коллизионные нормы наиболее ярко проявляются в странах с федеративной формой государственного

устройства, следовательно, коллизионное право в первую очередь направлено на регулирование процедур разрешения юридических конфликтов в федеративных отношениях [2, с. 59]. Третья точка зрения заключается в определении коллизионного права как комплексной суперотрасли права, содержащей институты и нормы других отраслей права в части регламентации спорных правоотношений как в рамках национального законодательства, так и в сфере трансграничных правоотношений [3, с. 36].

Без сомнений, коллизионные нормы являются важнейшим регулятором, обеспечивающим стабильность и жизнеспособность правовой системы государства. Как верно отметил профессор Н.А. Власенко, «коллизионный механизм не имеет отраслевой окраски, а коллизионные нормы могут иметь "прописку" в разных отраслях права» [4, с. 17].

Наиболее перспективным нам представляется подход, согласно которому коллизионное право понимается как комплексный межотраслевой институт, консолидирующий правовые нормы, направленные на регулирование правоотношений, возникающих в результате выбора между конфликтующими правовыми предписаниями.

Проблема юридических коллизий является комплексной, включающей не только сами правовые коллизии, но правовые инструменты, необходимые для их предотвращения, преодоления и устранения. И.А. Стародубцева, обосновывая необходимость системного воздействия на юридические коллизии, систематизировала последовательно осуществляемые формы воздействия на них, реализуемые на протяжении всего периода существования коллизионных ситуаций [5, с. 73]. К средствам правового воздействия следует относить, во-первых, превентивные меры, заключающиеся в предотвращении возникновения противоречий в праве; во-вторых, выявление конфликта в правовых предписаниях и признание факта существования коллизии; в-третьих, собственно устранение противоречий, состоящее в применении судебных и внесудебных форм разрешения коллизионных отношений.

Устранение и разрешение коллизии требует глубокой аналитической работы и высокого профессионализма правотолкующего и правоприменяющего лица и является следствием уже возникшего правового конфликта. В связи с этим особо актуальны меры опережающего воздействия на юридические коллизии (осуществляемые еще до их появления) при помощи нормотворческих, правопрогнозирующих и идеологических инструментов.

К наиболее действенным мерам предотвращения юридических коллизий относятся:

– повышение качества нормотворческой деятельности (профессионализм субъектов правотворчества, ответственное отношение к данной деятельности, юридическая регламентация правотворчества) [6, с. 56];

– вовлечение ученых-теоретиков и специалистов-практиков в правотворчество (проведение сравнительно-правовых исследований, научное и профессиональное консультирование, правовая экспертиза проектов нормативных правовых актов);

– правовое прогнозирование в правотворческой деятельности (изучение тенденций развития национального и международного законодательства, правоприменительной практики) [7, с. 91].

Безусловно, коллизии легче предупредить, нежели разрешить. Однако по причинам объективным (динамичность развития общественных отношений, отставание права, несоответствие с международными стандартами) и субъективным (низкий уровень правовой культуры, недостаточность правовой информации, несовершенство деятельности правотворческих органов, непоследовательность систематизации нормативных правовых актов, лоббирование интересов) противоречия в праве все-таки возникают. Для восстановления согласованности в системе права необходимо выявлять конфликты в правовых предписаниях и признать факт существования коллизии.

Ключевым способом выявления противоречий в праве является правовой мониторинг – систематическая целенаправленная деятельность по сбору, анализу и оценке качества действующих нормативных правовых актов с точки зрения их взаимной согласованности, наличия или отсутствия пробелов и противоречий в целях выработки предложений по совершенствованию правовой базы. В настоящее время Президентом РФ утверждено «Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации», определяющее порядок осуществления органами государственной власти данной деятельности.

Важная роль в механизме преодоления юридических коллизий принадлежит анализу эффективности действия нормативных правовых актов, в процессе которого происходит сопоставление между целями правового регулирования, для достижения которых были приняты нормы права, и фактически достигнутыми результатами. Информация, полученная по итогам мониторинга эффективности, позволяет своевременно обнаружить расхождения или противоречия в правовых предписаниях, регламентирующих одни и те же либо смежные общественные отношения.

Однако если юридическая коллизия уже «проникла» в нормативные правовые акты и создает трудности в правоприменительной деятельности, возникает необходимость в реализации мер, направленных на разрешение противоречий. По меткому высказыванию профессора А.Ю. Тихомирова, «в юридических коллизиях следует видеть и позитивный смысл, поскольку они открывают в определенных ситуациях путь к поиску новых правовых решений» [3, с. 37].

К способам разрешения коллизий относятся:

- обеспечение верховенства Конституции РФ и конституционный контроль (приведение в соответствие с Конституцией РФ законодательства России, корреляция смысла всех принимаемых правовых норм с Основным законом, признание действующих нормативных правовых актов противоречащими Конституции РФ) [8, с. 169];
- интерпретационная деятельность (раскрытие воли законодателя и смысла правовой нормы в рамках официального толкования в целях единообразного ее применения);
- судебные формы рассмотрения споров (обжалование правовых актов в судебном порядке, арбитражное и третейское правосудие);
- внесудебный порядок (переговорный процесс, создание согласительных комиссий) [9, с. 20];
- правотворческая деятельность (принятие нового нормативного правового акта взамен коллизирующего, отмена одной из конфликтующих норм, внесение изменений или уточнений в действующие акты, разработка коллизионных норм и принципов, устанавливающих юридические приоритеты для правотворческих и правоприменительных органов);
- международные процедуры (гармонизация международного и национального законодательства, обращение в Международный суд, Европейский суд по правам человека, Международный коммерческий арбитраж).

Таким образом, коллизии норм права нередко выступают индикатором несогласованности развития элементов правовой системы и могут рассматриваться в качестве катализатора совершенствования системы законодательства. Процесс правотворчества по объективным и субъективным причинам практически невозможно представить без юридических коллизий, и признание факта их существования, безусловно, способствует формированию эффективно функционирующего механизма правового регулирования. Завершая рассмотрение вопроса о преодолении и разрешении юридических коллизий, необходимо отметить, что решение данной проблемы возможно исключительно в контексте комплексной, систематической и целенаправленной деятельности, с постоянным анализом эффективности проводимых мероприятий.

Список использованной литературы

1. Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М. : Волтерс Клувер, 2007. 392 с.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А.И. Абрамова, А.Б. Агапов, Е.Г. Азарова и др. ; отв. ред. Л.А. Окуньков. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Бек, 1996. 634 с.

3. Тихомиров А.Ю. Коллизии как источник развития права // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 35–38.
4. Власенко Н.А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–18.
5. Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых : моногр. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. 330 с.
6. Латыпова Н.С. Развитие внешних форм сотрудничества органов местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 54–58.
7. Азнагулова Г.М. Взаимодействие международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Lex Russica. 2015. Т. 105, № 8. С. 84–95.
8. Ибрагимова Ф.М., Тулупова Е.О. Актуальные проблемы конституционного развития в сфере разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36). С. 168–171.
9. Ямалетдинова Н.В. Правовое регулирование создания и функционирования согласительных комиссий в Федеральном Собрании Российской Федерации // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2019. № 2 (4). С. 19–25.

References

1. Zvekov V.P. *Kollizii zakonov v mezhdunarodnom chastnom prave* [Conflicts of Law in Private International Law]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 392 p.
2. Abramova A.I., Agapov A.B., Azarova E.G.; L.A. Okun'kov (ed.). *Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii* [Comments to the Constitution of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow, Bek Publ., 1996. 634 p.
3. Tikhomirov A.Yu. Collisions as a Source of the Development of Law. *YUridicheskaya tekhnika = Judicial Techniques*, 2017, no. 11, pp. 35–38. (In Russian).
4. Vlasenko N.A. Russian Conflict Law: Status and Prospects. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 6, pp. 5–18. (In Russian).
5. Starodubtseva I.A. *Kollizionnye otnosheniya kak raznovidnost' konstitucionno-pravovyh* [Conflict Relations as a Sort of Constitutional Aspects]. Voronezh, Izdatel'skij dom Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta Publ., 2016. 330 p.
6. Latypova N.S. The Development of Exterior Forms of Local Self-Governments Cooperation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 4, pp. 54–58. (In Russian).

7. Aznagulova G.M. Interaction of International Law, National Law and the Constitution of the Russian Federation. *Lex Russica*, 2015, vol. 105, no. 8, pp. 84–95. (In Russian).

8. Ibragimova F.M., Tulupova E.O. Topical Issues of Constitutional Development in the Sphere of Delimitation of Authority Matters Between the Federation and Its Constituent Entities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2014, no. 2, pp. 168–171. (In Russian).

9. Yamaletdinova N.V. Legal Regulation of Creation and Functioning the Conciliation Commissions in the Federal Assembly of the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2019, no. 2, pp. 19–25. (In Russian).

Информация об авторе

Ямалетдинова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: fny80-80@mail.ru

Information about the Author

Yamaletdinova Natalya Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Ufa; e-mail: fny80-80@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 340.13

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.3

И. Ю. Панькина, В. В. Ваулин

ЛЕГИТИМНОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО НОРМОКОНТРОЛЯ

Дата поступления 3 июня 2020 г.

В статье поднимается вопрос о праве как о регуляторе общественных отношений в условиях их стремительного развития и усложнения. Авторы признают, что субъекты, правомочные устанавливать позитивно-правовые нормы и контролирующие их реализацию, вынуждены чаще использовать меры принуждения для обеспечения действенности правового регулирования. К тому же адресаты позитивно-правовой нормы в силу собственного небезосновательного убеждения перестают рассматривать конкретные нормы в качестве действенного регулятора и иницируют поиск иных способов упорядочения общественных отношений. Указанные предпосылки обуславливают научный интерес к такому свойству права, как легитимность.

Ключевые слова и фразы: право, легитимность, правовой нормоконтроль, механизм легитимации права.

I. Yu. Pankina, V. V. Vaulin

LEGITIMACY IN THE MECHANISM OF REGULATORY CONTROL

The paper presents the law as a regulator of social relations in the conditions of their rapid development. The authors recognize that the person of law who is authorized to prescribe law rules and to control their implementation should use coercive measures to ensure the effectiveness of legal control. In addition, the addressees of positive law rules, based on their own assurance, stop to consider specific norms as an effective control measures and try to find for the other ways to regulate social relations. All these factors provoke the research interest to legitimacy.

Keywords and phrases: law, legitimacy, regulatory control, mechanism of legitimation of law.

Концепция легитимности – детально исследуемый в социально-гуманитарных науках феномен – не ограничивается лишь доктринальным признанием. Понятие легитимности успешно встраивается и в практические категориально-понятийные аппараты. Однако отсутствие легально закрепленной конструкции легитимности в ее политико-правовом значении не допускает нормативно-определенного использования данного понятия для регулирования общественных отношений.

Содержательная насыщенность концепции детерминирует оперирование легитимностью на таком юридико-техническом уровне, где разрешаются дилеммы конституирующего для социума характера, корректируется архитектура государства и осуществляется анализ правовой системы государства на метауровне. Органом, в актах которого отражается исследуемый феномен и выявляется политико-правовой смысл легитимности, в российской судебной системе является Конституционный Суд РФ. Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» это судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. В пределах конституционного контроля (нормоконтроля) разрешаются дела о соответствии иных правовых актов Конституции РФ, что закреплено в качестве полномочия Конституционного Суда РФ в п. 1 ст. 3 указанного закона. Допустимо предположить, что в рамках конституционного контроля раскрывается методологическая функция легитимности.

Данная презумпция раскрывается посредством нескольких уточняющих положений, первый блок которых следует именовать «внешними», так как они затрагивают предпосылки создания органа нормоконтроля и алгоритм выражения адресатами собственного мнения по поводу легитимности норм права. К внешним положениям отнесем: (1) создание и включение в судебную систему государства органа, осуществляющего нормоконтроль, свидетельствует о предполагаемой недостаточности процедурной легитимации норм, которые в потенции могут нарушить права человека и гражданина, и о признании того факта, что норма права становится нелегитимной в случае недостижения общественного консенсуса; (2) нарушение прав человека и гражданина является фактором, влияющим на легитимность права, что закономерно отражается в нежелании адресата подчиняться норме, нарушающей его права; (3) возможность личного обращения адресата в орган нормоконтроля позволяет ему выразить собственное несогласие с признанием действительности оспариваемой нормы; (4) в проекции на отечественный конституционный контроль обращение в Конституционный Суд РФ возможно только в рамках процедуры конкретного нормоконтроля, то есть оспариваемая норма должна быть применена в конкретном деле, она должна нарушать права и

свободы конкретного индивида или коллектива, и только последние обладают правом на обращение в Конституционный Суд РФ; (5) поверхностное толкование предыдущего положения может навести на мысль о том, что лишь малая часть конкретных адресатов нормы выражает волю всего социума и самостоятельно решает вопрос о наличии либо отсутствии общественного консенсуса относительно признания действительности оспариваемой нормы, однако следует учитывать, что обращение как таковое не детерминирует Конституционный Суд РФ признавать норму неконституционной и лишать ее действительности – уже в процессе конституционного контроля, основываясь на доказательственной базе, решается вопрос о конституционности оспариваемой нормы. Наличие либо отсутствие общественного согласия здесь выступают потенциальными величинами: если норма признана не соответствующей Конституции РФ, то социум должен быть согласен с лишением ее действительности, ведь рациональный адресат не будет подчиняться норме, нарушающей его права и свободы. Следовательно, конкретный адресат, обладающий правом на обращение в орган нормоконтроля, выражает потенциальное общественное несогласие с признанием действительности оспариваемой нормы.

В другом случае, то есть при признании нормы конституционной, подлинного общественного несогласия не существует изначально. Специальная задача органа нормоконтроля, в частности Конституционного Суда РФ, при решении вопроса о действительности оспариваемой нормы заключается в установлении потенциального общественного согласия (элемента дискурсивной легитимации), так как последующее решение общеобязательно для неопределенного круга лиц.

Важнейшее критическое замечание, касающееся практической реализации положений (4) и (5), заключается в том, что действующий в сложившейся политико-правовой реальности орган нормоконтроля может быть скован господствующей политической конъюнктурой и запланированным курсом государственного развития, базирующимся на установленных правовых регуляторах. В связи с этим допустима юридическая аномалия, когда нелегитимная по мнению социума норма признается конституционной, то есть остается действенной в конкретном правовом порядке. Избежать такого положения вещей, опираясь лишь на теоретические конструкции, не представляется возможным.

Второй – «внутренний» – блок уточняющих положений касается мотивирования органом нормоконтроля своего решения, а также использования понятия легитимности в правовой аргументации.

Выделим два вида аргументирующих конструкций: «легитимность в праве» и «легитимность права». Первая конструкция предполагает раскрытие политического значения легитимности, указание на существующее положение

вещей в политической системе и правопорядке, констатацию значимого для властеотношений факта признания определенного социально-правового явления обществом. Предполагается, что данная видовая конструкция носит дескриптивный характер. «Легитимность права», в свою очередь, выступает прескриптивной конструкцией, так как на его основе орган нормоконтроля может решать вопрос о действенности оспариваемой нормы и, соответственно, определять легитимность в качестве условия бытия права.

Все сказанное требует выявить политико-правовой смысл понятия «легитимность», которое используется отечественным органом нормоконтроля – Конституционным Судом РФ – в актах, ставших формальным результатом осуществления правосудия в делах о соответствии Конституции РФ. Одновременно это позволит выяснить, учитывается ли такой феномен, как «легитимность права», в правоприменительной деятельности.

С позиций оперирования видовыми аргументами конструкции «легитимность в праве» отмечается следующая устойчивая формулировка, приводимая Конституционным Судом РФ: «легитимность [публичной власти] во многом основывается на доверии общества». Так, Конституционный Суд РФ ссылается на легитимность публичной власти, основывающуюся на доверии общества, при анализе посягательств представителей публичной власти на охраняемые уголовным законом общественные отношения, а также деструктивного влияния коррупции, при решении вопроса о наличии пассивного избирательного права у лиц, осужденных к лишению свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, при констатации недопущения злоупотреблений при реализации властных полномочий. Отечественный орган нормоконтроля использует указанную формулировку также для обоснования установления ограничений при реализации гражданами РФ активного избирательного права, что встраивается в связку «легитимность выборов – легитимность органов народного представительства».

Необходимо отметить, что взаимосвязь легитимности публичной власти и реализация гражданами РФ активного либо пассивного избирательного права является доминантной позицией Конституционного Суда РФ при использовании понятия «легитимность», так как большинство актов из релевантной выборки содержат тождественные правовые позиции. В этом контексте отражается связь легитимности органов народного представительства и принципа свободных выборов, утверждается, что нарушение конституционных принципов равенства и справедливости при проведении выборов подрывает легитимность органов народного представительства, и вводится понятие социальной поддержки. Однако ни в одном из актов Конституционного Суда РФ не раскрывается политико-правовое значение понятия «легитимность». Только системное их толкование способствует выявлению того

факта, что легитимность в большинстве случаев проецируется на властеотношения и служит одним из условий стабильного и эффективного функционирования механизма государства.

Конституционным Судом РФ, помимо доминирующей формулировки, используются и такие аргументы, как «легитимность выборов» и «легитимность выбора», «легитимность избранного состава выборного органа публичной власти», «легитимность сформированного выборного органа публичной власти», «легитимность образования выборных органов местного самоуправления», «признание легитимности органа народного представительства», «легитимность исполнительной власти» и «легитимность ранее назначенных глав исполнительной власти». Несмотря на конструкцию, не совпадающую с доминирующей, указанные формулировки в целом содержательно совпадают с легитимностью публичной власти, что не порождает новых значений, которые необходимо анализировать в рамках данного исследования. Таким образом, указание в процессе отечественного нормоконтроля на политическую природу легитимности имеет бóльшую частоту, чем проецирование данного феномена на иные социально-правовые явления.

Отличной по своему значению от политической легитимности представит формулировка «легитимность убеждений», данная Конституционным Судом РФ в ряде своих актов относительно альтернативной гражданской службы. Отечественный орган нормоконтроля не раскрывает содержание данной конструкции, которая по своему смыслу не может быть отнесена ни к политической легитимности, ни к легитимности права. Видится, что «легитимность убеждений» – первичная конструкция, потенциально связываемая с психическим восприятием субъектом какого-либо социально-правового явления, не содержащая конкретных признаков. Уже после проекции «легитимности убеждений» на политические либо правовые явления возможно допускать относимость данного аргумента к видовой легитимности.

Совершенно другая природа легитимности подразумевается Конституционным Судом РФ в том случае, когда проверка нормы на соответствие Конституции РФ затрагивает определенные правоприменительные решения. Например, Конституционный Суд РФ указывает, что «признание утратившего значение правового регулирования в сложившейся ситуации неконституционным ставило бы под сомнение легитимность правоприменительных решений» (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2017 № 31-П). Из этого следует, что правоприменительное решение, базирующееся на неконституционной, то есть недействительной, норме права и нормативно регулирующее поведение адресатов, перестает быть действенным в силу недейственности собственного основания. Конечно, подобное определено логично с точки зрения

механизма правового регулирования, однако акцентировать внимание необходимо на отражении связи легитимности и действительности.

Другим аргументом, позволяющим связать легитимность акта применения права с действительностью права, выступает следующая позиция Конституционного Суда РФ: «решения судебной власти должны быть не только формально законными, но и легитимными, то есть восприниматься как справедливые, беспристрастные и безупречные, а следовательно, служащие целями эффективной защиты» (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П). Получается, что характеристика акта применения права как легитимного указывает на его «службу целям эффективной защиты», которая, как представляется, должна быть действительной, то есть влияющей на поведение адресатов. Расширительное толкование легитимности права, которое включает и правоприменительные решения, применимо и к таким формулировкам Конституционного Суда РФ, как «легитимность принимаемых законов», «легитимность принимаемых решений» и «обеспечивающих легитимность принимаемых актов».

Следует признать, что приведенные позиции лишь косвенно свидетельствуют об использовании категории «легитимность права» в правоприменении, так как Конституционный Суд РФ не проецирует понятие «легитимность» на оспариваемую в пределах конституционного контроля норму права.

Подтверждением выработанной отечественным органом нормоконтроля тенденции служит позиция Конституционного Суда РФ, приведенная для отражения спора о действительности актов Европейского суда по правам человека. Отмечается, что «высказываются взаимоисключающие мнения – от заявлений о недопустимости каких-либо посягательств на дух и букву Конвенции о защите прав человека и основных свобод и полномочия Европейского суда по правам человека до резкой критики этих институтов как устаревших и утративших к настоящему моменту правовую и социальную легитимность» (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П). Помимо того, что данный аргумент выражает сомнение относительно действительности актов межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в нем также употребляется понятие «правовая легитимность» при его разграничении с легитимностью социальной. Получается, что орган создал предпосылку для, во-первых, использования этой конструкции в юридической аргументации, во-вторых, для изучения данного понятия с целью выявления его конституционно-правового смысла, в-третьих, для признания существования легитимности права в современной правовой реальности.

Несколько иной подход к легитимности правоприменительных решений демонстрирует позиция Конституционного Суда РФ, касающаяся запрета смертной казни в Российской Федерации, в которой указывается, что «ком-

плексный мораторий на применение смертной казни как правовое регулирование легитимировано сложившейся правоприменительной практикой» (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р). Из указанного положения следует, что правовое регулирование, основанное на нормах позитивного права, может быть легитимировано извне; действенность правового регулирования зависит от его легитимности; нормы позитивного права, обеспечивающие легитимное правовое регулирование, должны быть легитимными, то есть действенными.

Проведенный анализ актов отечественного органа нормоконтроля позволил установить следующее:

- в качестве преобладающего аргумента используется политическая легитимность, характеризующая властеотношения;
- понятие «легитимность» не определяется ни в одном акте Конституционного Суда РФ;
- легитимность права в том смысле, который используется в настоящей работе, не находит отражение в актах отечественного органа нормоконтроля;
- подтверждается существование в современной правовой реальности легитимности права в широком смысле, который охватывает действенность правоприменительных решений.

Информация об авторах

Панькина Инга Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград;
e-mail: iupanjkina@yandex.ru;

Ваулин Вадим Валерьевич – студент 1 года обучения магистратуры Юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград;
e-mail: vadims.vaulins@gmail.com

Information about the Authors

Pankina Inga Yurievna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law, Criminalistics and Legal Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad;
e-mail: iupanjkina@yandex.ru;

Vaulin Vadim Valerevich – First Year Master Student, Institute of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad;
e-mail: vadims.vaulins@gmail.com

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

УДК 347.2

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.4

Д. В. Королёва

**О ВОЗМОЖНОСТИ ОТНЕСЕНИЯ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ
С ПРОСРОЧКАМИ ИСПОЛНЕНИЯ, К ОБЫЧНОЙ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНИКА-БАНКРОТА**

Дата поступления 15 июня 2020 г.

В каждом деле о несостоятельности необходимо не только учитывать законодательные положения о банкротстве, разъяснения высших судебных инстанций и отдельные аспекты деятельности должника, но и принимать к сведению основные тенденции правоприменения. Одним из актуальных примеров изменений в судебной практике по делам о несостоятельности является вопрос отнесения сделок должника-банкрота, совершенных в период подозрительности и с просрочками платежа, к сделкам в процессе обычной хозяйственной деятельности такого должника, что непосредственно влияет на судьбу оспаривания этих сделок в процедуре банкротства.

Ключевые слова и фразы: просрочка исполнения, оспаривание сделок, обычная хозяйственная деятельность, период подозрительности, просрочка платежа, оказание предпочтения.

D. V. Koroleva

**ON THE POSSIBILITY OF ASSIGNING
A DEBTOR-BANKRUPT TRANSACTION MADE WITH LATE
PAYMENTS AS AN ORDINARY BUSINESS ACTIVITY OF A DEBTOR**

In every bankruptcy case it is necessary to take into account not only the bankruptcy law and the systematized explanations of the higher courts as well as certain aspects of the debtor's activity, but also the dynamics of the judicial prac-

tice. The possibility of assigning a debtor-bankrupt transaction made during a period of suspicion and with late payments as an ordinary business activity of a debtor is one of the topical issues analyzed in the article. The solution on this issue directly affects on the fate of challenging the debtor-bankrupt`s transactions.

Keywords and phrases: delay in performance, challenging of the transactions, ordinary business activity, period of suspicion, late payments, preference

В делах о несостоятельности большую роль играют разъяснения пленумами Высшего Арбитражного и Верховного судов РФ отдельных положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Во многом это объясняется тем, что процедуры банкротства в основном реализуются посредством разрешения основных вопросов в суде, а потому руководящие установки высших инстанций для судов обязательны.

Мы разделяем мнение о том, что разъяснения высших судебных инстанций можно отнести к источникам права, если в них содержатся качественно новые выводы о разрешении правовых споров (например, если суд считает допустимым или, наоборот, недопустимым распространять нормы права на иные, прямо не указанные в этих нормах отношения) [1, с. 11]. Однако при разрешении дел о несостоятельности считаем немаловажной также необходимость вдумчивого и детального подхода, учитывающего все нюансы банкротного дела.

Так, по делам об оспаривании сделок должника-банкрота следует принимать во внимание положения п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве, в соответствии с которыми сделки такого лица, направленные на передачу имущества или принятие им на себя обязательств, совершенные в период подозрительности, не могут считаться недействительными на основании п. 1 ст. 61.2 (неравноценное встречное исполнение) и ст. 61.3 (сделка с предпочтением одному кредитору перед другими) Закона о банкротстве, если отвечают двум обязательным условиям: совершены в обычной хозяйственной деятельности должника; цена оспариваемой сделки не превышает 1 % стоимости его активов по состоянию на последнюю отчетную дату.

Вопрос также вызывает содержание понятия «обычная хозяйственная деятельность», которое в указанном законе не раскрывается. Разъяснение этого термина, а также понятия сделок, направленных на передачу имущества или принятие должником на себя обязательств, мы находим в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 (далее – Постановление № 63), который к сделкам, совершенным в ходе обычной хозяйственной деятельности, относит сделки, по своим основным условиям существенно не отличающиеся от аналогичных, неоднократно совер-

шавшиеся должником в течение продолжительного периода времени. Позже к таким сделкам Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ отнес и платежи по дящимся обязательствам (с перечислением примеров дящихся обязательств, перечень не закрыт), за исключением платежей со значительной просрочкой, предоставления отступного, а также не обоснованного разумными экономическими причинами досрочного возврата кредита. То есть к сделкам, совершенным в рамках обычной хозяйственной деятельности, правоприменитель не отнес обязательства должника, исполненные со значительной просрочкой.

Тем не менее указанное правило не предполагает ригоризма и, как мы уже сказали, банкротные дела характеризуются значительным количеством нюансов, которые необходимо выяснить и учесть суду, рассматривающему дело о несостоятельности.

При рассмотрении вопроса о соотношении исполнения обязательства с просрочкой платежа и обычной хозяйственной деятельности необходимо выяснить, можно ли предположить, что в процессе «здоровой» хозяйственной деятельности организации допускаются просрочки платежей и может ли это однозначно подтверждать ее неплатежеспособность. Учитывая отсутствие «свободных» денег в организациях, закредитованность малого и среднего бизнеса, предполагаем, что для многих компаний вполне допустимо в рамках «здоровых» экономических отношений совершать просрочки платежей, если контрагенты принимают такое исполнение. Зачастую происходит так, что организация рассчитывается по своим обязательствам после получения расчета от своих контрагентов, который также может быть произведен с просрочкой. В этом случае могут ли контрагенты догадываться о неплатежеспособности организации, если такие просрочки исполнения обязательств были систематическими? Очевидно, что по большей части сделки с просрочками исполнения все же будут признаны недействительными, однако с недавнего времени стали появляться судебные решения, содержащие именно исключение из правила Постановления № 63, то есть признающие названные сделки относящимися к обычной хозяйственной деятельности.

Так, по делу о банкротстве суд при решении вопроса о том, относится ли сделка к обычной хозяйственной деятельности, соотнес характер сделки (строительные работы) и коды ОКВЭД должника и его контрагента и указал, что хозяйственные отношения по сделке соответствуют их основным видам деятельности. Кроме того, суд апелляционной инстанции обратил внимание на то обстоятельство, что просрочка совершения платежа соответствует аналогичным в рамках исполнения обязательств по договору подряда, из чего сделан вывод, что оспариваемая сделка относится к обычной хозяйственной деятельности должника.

Тот же арбитражный апелляционный суд уже по другому делу, отказывая в признании сделок должника недействительными, сделал вывод о совершении оспариваемых сделок в рамках обычной хозяйственной деятельности должника, поскольку судом были установлены носящие длительный и систематический характер взаимоотношения по договорам электроснабжения, перечисление оплаты по которым должником осуществлялось с систематическими просрочками.

Таким образом, можно утверждать наметившуюся тенденцию к отнесению сделок с просроченными платежами к «здоровым» сделкам, конечно, с учетом всех обстоятельств отношений, сложившихся между должником по делу о банкротстве и его контрагентом по оспариваемой сделке.

Список использованной литературы

1. Сергеев А.А. Источники российского права: вопросы классификации и некоторые тенденции развития // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 9–17.

References

1. Sergeev A.A. The Sources of Russian Law: Issues of Classification and Some Tendencies of Development. Rossijskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal, 2017, no. 5, pp. 9–17. (In Russian).

Информация об авторе

Королёва Дарья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: praktika.gp@mail.ru

Information about the Author

Koroleva Daria Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of the Civil Law of the Bashkir State University, Ufa; e-mail: praktika.gp@mail.ru

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, АГРАРНОЕ ПРАВО

УДК 327.3

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.5

Н. М. Мухаметгареева, З. А. Юсупова

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПРИРОДООХРАННОЙ СФЕРЕ

Дата поступления 8 июня 2020 г.

Начало XXI в. характеризуется наличием ряда глобальных проблем, среди которых большое место занимает охрана окружающей среды. В последние годы Европейский союз занимается решением многочисленных вопросов, в том числе и в природоохранной сфере. В статье рассматривается реформирование законодательства Европейского союза в природоохранной сфере. Целью ее является выделение основных этапов реформирования природоохранной политики Европейского союза и рассмотрение их основных характеристик. Европейский союз регулирует различные сферы жизнедеятельности и оказывает непосредственное влияние на экологическую политику всего мира. Каждый год Европейский союз проводит все больше мероприятий в сфере охраны окружающей среды. В последние годы особое внимание уделяется созданию правовой базы, которая регулирует природоохранную деятельность стран-участниц.

Ключевые слова и фразы: Европейский союз, природоохранная деятельность, экологическая политика, природоохранное сотрудничество, окружающая среда.

N. M. Mukhametgareeva, Z. A. Yusupova

THE REFORM OF THE EUROPEAN UNION LEGISLATION IN THE ENVIRONMENTAL FIELD

Since the beginning of the XXI century, there has been a serious aggravation of many world problems, among which the problem of environmental protection occupies a special place. In recent years, the European Union has been ad-

addressing numerous urgent issues around the world, including in the environmental sphere. This article discusses the reform of the European Union legislation in the field of environmental protection. The purpose of this article is to highlight the main stages of environmental policy reform in the EU and their characteristics. The European Union is the largest region that influences the entire world's environmental policy. Every year there are environmental events that affect the rest of the world. In addition, the EU has created a special legal framework that regulates and coordinates all environmental activities of EU member States.

Keywords and phrases: European Union, environmental protection activities, environmental policy, environmental cooperation, environment.

Экологическое законодательство регулирует вопросы, касающиеся охраны окружающей среды. Это позволяет предупредить неблагоприятные последствия хозяйственной деятельности человека. Кроме того, экологическим законодательством регулируются вопросы охраны здоровья самих людей. Как и в любом другом законодательстве, в экологическом присутствуют сложные бюрократические процедуры, которые создают серьезные трудности для производителей по всему миру. Строгое соблюдение экологического законодательства требует огромных материальных затрат, а государственные органы, занимающиеся выдачей разрешений и контролем, ограничены в своих финансовых и человеческих ресурсах. Поэтому в некоторые исторические периоды природоохранная деятельность отходила на второй план, уступая место другим сферам человеческой жизнедеятельности. Результатом этого стало серьезное ухудшение состояния окружающей природы, что ставит под угрозу и здоровье людей [1, с. 87–89].

В последние годы проблема окружающей среды и природоохранная деятельность обсуждаются в Европейском союзе достаточно часто. Вышло большое количество публикаций в СМИ по вопросам неизбежного процесса разрушения экосистем, существенного изменения климата. Каждый из этих вопросов требует принятия радикальных и экстренных мер. В последние 5-8 лет сотрудничество Европейского союза со странами-участницами имеет именно природоохранную направленность.

Анализ реформирования законодательства Европейского союза в природоохранной деятельности показал, что можно выделить пять этапов формирования природоохранной политики:

первый этап (1957–1971) – отсутствие полноценных прав в природоохранной сфере, проводятся только специальные факультативные мероприятия по всему миру;

второй этап (1972–1985) – проведение полноценных мероприятий по охране окружающей среды мирового характера, принятие Конвенции об охране дикой флоры и фауны и природных мест обитания в Европе (1979);

третий этап (1986–1991) – начинается полноценное закрепление за Европейским союзом компетенции в сфере охраны окружающей среды, появилось огромное количество правовых документов, подписано более 200 законодательных актов;

четвертый этап (1992–2002) – совершенствование основных направлений экологической политики Европейского союза, начинает действовать «горизонтальный» подход (учитывается каждый спектр отраслей, загрязняющих окружающую природу);

пятый этап (с 2003 г. по настоящее время) – совершенствование правового регулирования природоохранной сферы, обновление нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы сбора и обработки важной экологической информации, проведение ряда других мероприятий: постоянный мониторинг окружающей среды, оценка оказываемого человеком воздействия на окружающую природу и др. [2].

Начиная с 2014 г. и по настоящее время реализуется Седьмая программа действий Евросоюза в области защиты окружающей среды. Ее основными целями являются:

- оказание необходимой защиты природной среде;
- ежегодное приумножение мирового природного капитала;
- создание ресурсосберегающей и низкоуглеродной мировой экономики;
- включение экологических задач во все сферы коммунитарной мировой политики;
- распространение информации о мировых экологических проблемах и путях их решения.

В последние 5-8 лет все дискуссии по охране природы ведутся по следующим вопросам:

- дальнейшее устойчивое развитие отрасли;
- низкоуглеродная экономика;
- защита биоразнообразия [3].

Отметим, что 4 декабря 2019 г. Европейское агентство по окружающей среде (ЕАОС) опубликовало доклад, в котором содержится анализ реализации всех указанных целей. При этом эксперты сошлись во мнении о том, что все цели возможно достичь к 2030 г. Однако необходимо начать действовать немедленно и сейчас же прекратить финансирование экологически вредных производств.

Также в 2019 г. был официально опубликован доклад Евростата. В нем отмечено, что в последние годы совершенно не наблюдается положитель-

ного развития климатической политики. Из 30 поставленных в Седьмом европейском плане целей удалось достичь только 23.

Институт экологической политики Европы также утверждает, что существуют экономические, социальные и экологические проблемы устойчивого развития. Например, не всем странам удалось выполнить отмеченные в Седьмой программе требования. Дания, Швеция, Финляндия являются лидерами, в то время как Болгария, Румыния и Кипр занимают последнее место среди 28 стран [4].

В качестве основных рекомендаций на ближайшие годы в области природоохранной деятельности выделяются следующие:

- разработать полномасштабную политику, которая будет работать в рамках «Зеленого договора»;
- к 2050 г. провести полную декарбонизацию энергосистемы и оказывать всевозможную поддержку устойчивому землепользованию;
- увеличить финансирование природоохранной сферы;
- поощрять и поддерживать развитие инновационных технологий;
- развивать международное сотрудничество в природоохранной сфере [3].

Таким образом, природоохранная политика всегда была и остается основным направлением деятельности Европейского союза. К настоящему моменту уже сформирована достаточно подробная система экологического законодательства, нормы которого ежегодно с успехом реализуются по всему миру. Как и в любой системе, в Евросоюзе присутствуют свои сложности, однако они не помешали ему стать мировым лидером, который успешно занимается реформированием природоохранной сферы. На протяжении нескольких десятилетий Европейскому союзу удается решать возникающие экологические проблемы.

Список использованной литературы

1. Храмова Л.Р., Шакирзянов Д.И. Защита окружающей среды // Юный ученый. 2016. № 3. С. 87–89.
2. Ильзоркина А.И. Политика ЕС в сфере охраны окружающей среды // Студенческая наука и XXI век. 2018. № 2-2. С. 58–60.
3. Decision No 1386/2013/EU of the European Parliament and of the Council of 20 November 2013 on a General Union Environment Action Programme to 2020 'Living well, within the limits of our planet' Text with EEA relevance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013D1386> (дата обращения: 18.03.2020).
4. Nature and biodiversity. URL: http://ec.europa.eu/environment/nature/index_en.htm (дата обращения: 18.05.2020).

References

1. Khramova L.R., Shakirzyanov D.I. Environmental Protection. *YUnyj uchenyj = Young scientist*, 2016, no. 3, pp. 87–89. (In Russian).
2. Ilzorkina A.I. EU Environmental Policy. *Studencheskaya nauka i XXI vek = Student Science and the 21st Century*, 2018, no. 2-2, pp. 58–60. (In Russian).
3. Decision No 1386/2013/EU of the European Parliament and of the Council of 20 November 2013 on a General Union Environment Action Programme to 2020 ‘Living well, within the limits of our planet’ Text with EEA relevance. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013D1386>. (In English).
4. Nature and Biodiversity. Available at: http://ec.europa.eu/environment/nature/index_en.htm. (In English).

Информация об авторах

Мухаметгареева Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: nmch77@mail.ru;

Юсупова Зилья Анасовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: zilya_iousupova@mail.ru

Information about the Authors

Mukhametgareeva Natalya Mikhailovna – Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Bashkir State University, Ufa; e-mail: nmch77@mail.ru

Yusupova Zylia Anasovna – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Bashkir State University, Ufa; e-mail: zilya_iousupova@mail.ru

**КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.9

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.6

О. Ю. Семёнова

**ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ
НА ЭТАПЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
СОВЕРШЕННЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ
ВСЛЕДСТВИЕ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ИМИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ**

Дата поступления 3 июня 2020 г.

В статье рассмотрен этап проверки сообщений о преступлениях, совершенных медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения ими профессиональных обязанностей. Определена значимость истребования на данном этапе медицинских документов, содержащих сведения об оказанной ненадлежащим образом медицинской помощи, о здоровье, диагнозе потерпевшего и др. Обозначены проблемы, возникающие в связи с истребованием и изъятием медицинской документации, предложены пути их решения.

Ключевые слова и фразы: медицинские документы, медицинские работники, преступления, предварительная проверка, изъятие, истребование, выемка.

O. YU. Semyonova

**PROBLEMS OF OBTAINING MEDICAL DOCUMENTS
AT THE STAGE OF VERIFICATION THE REPORTS OF CRIMES
COMMITTED BY MEDICAL WORKERS AS A RESULT
OF THEIR MISFEASANCE OF PROFESSIONAL DUTIES**

In the article, the author examined the stage of checking reports of crimes committed by medical workers as a result of their misfeasance of professional duties. The significance of the vindication for medical documents at this stage, con-

taining the information about improperly provided medical care, information about the health, diagnosis of the complainant is identified. Problems that arise due to the vindication of medical documentation are identified, and the ways to solve them are proposed.

Key words and phrases: medical documents, medical workers, crimes, preliminary examination, seizure, vindication.

На стадии проверки сообщений о преступлениях, совершенных медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения ими профессиональных обязанностей, важно своевременно получить медицинские документы.

На законодательном уровне не закреплено понятие медицинской документации, многие авторы по-разному определяют его. Например, по мнению Л.В. Сухарниковой, медицинский документ представляет собой материал-носитель, оформленный надлежащим образом, содержащий сведения о проведенном лечении, имеющий официальный источник происхождения, а также определенную форму и реквизиты, издаваемый в соответствии с установленной процедурой [1, с. 140–141].

По нашему мнению, говорить о медицинской документации только как об источнике сведений о проведенном лечении ошибочно. На наш взгляд, данное понятие намного шире. Под медицинской документацией необходимо понимать всю надлежаще оформленную документацию медицинского учреждения, предназначенную для регистрации результатов различных (лечебных, диагностических, профилактических, реабилитационных, санитарно-гигиенических, отчетных) мероприятий, а также документы, в которых содержатся сведения о самом медицинском учреждении и его внутренней организации.

При расследовании рассматриваемых преступлений особое криминалистическое значение имеют документы, содержащие информацию, непосредственно касающуюся оказания медицинской помощи потерпевшему (отражающие состояние здоровья потерпевшего, результаты его обследования и лечения), а также иные документы, например те, в которых фиксируется право медицинской организации на занятие медицинской деятельностью, регламентирующие права и обязанности медицинских работников, графики дежурств, приказы о принятии на работу и пр. Этим документам следует уделять особое внимание.

Предлагаем все медицинские документы разделить на несколько групп.

1. Учредительные медицинские документы. К данной группе мы относим любые правоустанавливающие документы медицинской организации: устав, свидетельство о регистрации в качестве юридического лица, лицен-

зию, документы, подтверждающие право медицинской организации заниматься соответствующими видами медицинской деятельности, и др. Например, лицензия может понадобиться, чтобы определить профессиональную пригодность медицинского работника, поскольку в силу Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» одно из необходимых условий, которому должен соответствовать медицинский работник, – работа в медицинской организации, имеющей лицензию на осуществление такой деятельности.

2. Организационно-административные. К данной группе относятся документы, фиксирующие трудовую деятельность медиков того или иного медицинского учреждения. Речь идет о документах, которые разработаны самим медицинским учреждением (действуют внутри медицинского учреждения). Например, личные дела медицинских работников, трудовые договоры, приказы о приеме на работу, должностные инструкции, графики дежурств и др.). Данные документы важны для определения как профессиональных качеств медика (стаж работы в медицинском учреждении, время устройства на работу), так и его должностных обязанностей, в том числе для выяснения рабочего графика тех или иных медицинских работников (установления конкретных медицинских работников, задействованных в оказании медицинской помощи, в результате которой пациенту был причинен вред).

3. Учетные медицинские документы. К ним мы относим документы, которые медицинские работники ведут в процессе осуществления своих профессиональных обязанностей, то есть регистрация результатов лечебных мероприятий, диагностических, профилактических, реабилитационных и др. Формы данных документов утверждены федеральными органами государственной власти.

4. Отчетные медицинские документы.

При поступлении сообщения о совершенном медицинским работником преступлении в целях решения вопроса о наличии или отсутствии признаков указанного преступления необходимо получить медицинские документы. Это возможно двумя способами: в результате истребования либо изъятия.

По мнению А.Н. Халикова, так как указание на поисковый характер изъятия отсутствует, речь идет об аналогичных производству выемки правилах, предусмотренных ст. 183 УПК РФ [2, с. 57], анализ которой позволяет сделать вывод о том, что выемка проводится в случаях необходимости изъятия имеющих значение для уголовного дела определенных предметов и документов, а также о том, что на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении это действие проводится не может, поскольку уголовное дело еще не возбуждено.

Конституционный Суд РФ отметил, что изъятие следов преступления, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия, осмотр которых на месте либо затруднен, либо требует больших временных затрат, не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные, действия, для которых УПК РФ установлена специальная процедура и другие основания и условия проведения.

На этапе возбуждения уголовного дела по преступлениям рассматриваемой категории осмотр места происшествия проводится не всегда. Часто с момента оказания ненадлежащей помощи до обнаружения ее последствий и сообщения об этом в следственные органы проходит много времени. Таким образом, на этом этапе изъять медицинские документы с целью принятия решения о возбуждении уголовного дела по поступившему сообщению в случаях, когда не проводился осмотр места происшествия, невозможно.

Сегодня единственно возможный способ получения необходимых медицинских документов и иных предметов, имеющих значение для принятия решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела, – их истребование. Эта процедура заключается в предъявлении ведущим расследование лицом требования о представлении объектов, которые могут установить по делу необходимые фактические данные, а также исполнение этого требования участниками процесса, должностными лицами и гражданами и фиксация этого действия в материалах дела. Однако информация о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении, необходимые следователю для принятия решения, в силу ст. 13 Федерального закона «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» составляют врачебную тайну.

При истребовании сведений, составляющих врачебную тайну, М.А. Багмет рекомендует применять положения ч. 4 ст. 21 УПК РФ, заблаговременно (например, одновременно с получением сообщения о преступлении) истребовать у потерпевшего либо его законного представителя письменное разрешение на получение таких сведений и на основании этого мотивировать в соответствующих запросах в медицинские учреждения требование предоставить необходимые сведения либо, основываясь на совокупности приведенных норм, саму первичную медицинскую документацию [3, с. 24].

Законодатель предоставил возможность следственным органам назначать судебные экспертизы в порядке доследственной проверки, к постановлению о назначении которой следует прилагать оригиналы медицинских документов. Однако изучение уголовных дел показало, что в 30 % случаев эксперты после получения постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы на этапе проверки сообщения направляли запрос следователю о предос-

тавлении оригиналов медицинских документов. Это ошибочно и приводит к затягиванию производства экспертизы. Кроме того, представляется, что, прежде чем предоставить запрашиваемый следователем документ, у медицинских работников есть немало времени, чтобы, например, уничтожить или исказить сведения, содержащиеся в медицинском документе. Этого допускать нельзя. Медицинские документы важно получить в кратчайшие сроки. Поэтому предлагаем устранить противоречия между ст. 144 и 183 УПК РФ и разрешить производство выемки до возбуждения уголовного дела на основании судебного решения.

По мнению А.Н. Халикова, следует разрешить проведение всех следственных и процессуальных действий и без возбуждения уголовного дела, то есть регистрация сообщения о преступлении уже является основанием для начала уголовного производства и проведения всего комплекса следственных действий [2, с. 57].

Подводя итог, отметим, что проведение выемки на стадии проверки сообщений о преступлениях обусловлено рядом причин, в первую очередь установлением следов посягательства, а также необходимостью предотвращения уничтожения и искажения медицинских сведений, содержащихся в медицинских документах, свидетельствующих о наличии признаков совершенного противоправного деяния.

Список использованной литературы

1. Сухарникова Л.В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 253 с.
2. Халиков А.Н. Собираение доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. 2013. № 12. С. 54–57.
3. Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений) : учеб.-метод. пособие / под ред. А.М. Багмета. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 159 с.

References

1. Sukharnikova L.V. *Osobennosti rassledovaniya neosto-rozhnogo prichineniya vreda zhizni i zdorov'yu grazhdan medi-cinskimi rabotnikami v processe professional'noj deya-tel'nosti. Kand. Diss.* [Specific Character of the Investigation of Infliction of Life and Health of Citizens by Medical Workers in the Process of Professional Activity. Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2006. 253 p.

2. Khalikov A.N. Collection of Evidence During the Report of a Crime. *Zakonnost' = Legality*, 2013, no. 12, pp. 54–57. (In Russian).

3. Bagmet A.M. (ed.). *Rassledovanie prestuplenij, sovershennyh medicinskimi rabotnikami po neostorozhnosti (yatrogennyh prestuplenij)* [Investigation of Crimes Committed by Medical Personnel Through Negligence (Iatrogenic Crimes)]. Moscow, YUNITI Publ., 2018. 159 p.

Информация об авторе

*Семёнова Олеся Юрьевна –
аспирант кафедры криминалистики
Института права Башкирского
государственного университета,
г. Уфа; e-mail: simonova-o@mail.ru*

Information about the Author

*Semenova Olesya Yuryevna –
Postgraduate Student of the Chair of
Criminalistics of the Institute of Law,
of the Bashkir State University, Ufa;
e-mail: simonova-o@mail.ru*

УДК 343.985.7

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.7

Р. А. Тагиров

ОСОБЕННОСТИ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Дата поступления 3 июня 2020 г.

В статье рассматривается обстановка совершения кредитного мошенничества как один из ключевых элементов криминалистической характеристики этого преступления. Анализируются сущность и содержание данного понятия, выделяются ключевые элементы обстановки применительно к хищению рассматриваемого вида. При этом проводится разграничение факторов, образующих обстановку хищения средств банка, реализуемого путем потребительского и корпоративного кредитования.

Ключевые слова и фразы: мошенничество, хищение, ссуда, заем, потребительское кредитование, корпоративное кредитование, обстановка совершения преступления, условия, факторы внешней среды.

R. A. Tagirov

SPECIFIC CHARACTER OF CREDIT FRAUD

The paper presents the situation of committing credit fraud as one of the key elements of its criminalistic characteristics. The essence and the content of this concept are analyzed, the key elements of the situation are determined in the context of the analyzed fraud. At the same time the author makes a distinction between the factors that constitute the theft of bank funds, which is realized through consumer and corporate lending.

Keywords and phrases: fraud, theft, credit, loan, consumer lending, corporate lending, the situation of the crime, conditions, external factors.

Расследование любого преступления во многом зависит от всестороннего и детального исследования обстановки его совершения. Являясь определяющим фактором формирования алгоритма поведения субъекта, обстановка хранит криминалистически значимую информацию о событии, способную пролить свет на другие элементы его характеристики, выступает в роли некой системы, связующей все данные о событии в единую информационную структуру.

Для понимания феномена обстановки преступления, осознания ее уникальности в аспекте конкретного деяния, придающей ей как элементу криминалистической характеристики преимущественную информативность о расследуемом событии, важно разобраться в сущности данного понятия, его содержательном наполнении. Для этого стоит обратиться к трактовке понятия «обстановка».

Обстановку принято рассматривать в двух аспектах: как элемент материального мира, многообразия объектов, связанных единым пространством, в совокупности образующих некую систему, и в качестве условий, сопутствующих течению какого-либо процесса. Она неразрывно связана со средой, безграничной в пространстве и во времени, объективной реальностью. Следовательно, с прагматической точки зрения об обстановке можно говорить лишь относительно какого-либо события, процесса изменения среды, выделяемого из множества событий, истекающих параллельно.

В криминалистическом аспекте таким событием является преступление, ограниченное промежутком времени, за которое оно было совершено и в пределах которого произошло изменение среды под воздействием противоправного поведения субъекта. Следовательно, мы можем утверждать, что обстановка преступления – это материальная среда или набор материальных предметов, окружающих злоумышленника в пределах пространства,

в котором совершается преступление, а также совокупность условий, образуемых массой явлений, проистекающих в течение времени реализации преступного замысла, в той или иной мере способных определять его характер и возможность достижения преступной цели.

Иными словами, определяя критерии обстановки совершения любого преступления, необходимо учитывать его пространственно-временной компонент, материальную составляющую как совокупность предметов материального мира, способных сохранить в себе следы противоправного деяния, а также условия, детерминирующие механизм преступления [1, с. 275]. К последним можно отнести как естественные, природно-климатические факторы, так и условия, формируемые общественными, межличностными и иными отношениями.

В научной среде сложилось множество мнений о многообразии условий, способных оказать влияние на направление поведения злоумышленника во время подготовки и совершения противоправного деяния, в совокупности образующих обстановку преступления. Так, Н.П. Яблоков в качестве факторов, определяющих возможность и условия совершения преступления, назвал место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и др. [2, с. 68]. Тем самым ученый попытался обобщить весь спектр факторов, в той или иной мере предопределяющих течение противоправного события, не преследуя цель выделить наиболее «весомые» из них для разных видов преступлений.

Однако такая акцентуация необходима при исследовании обстановки отдельного вида противоправного деяния, для более точного ее описания, что обуславливается определенной дифференциацией отношений, лежащих в различных сферах общественной жизни и испытывающих посягательство того или иного характера. На это в своих работах обратил внимание В.Н. Пантелеев. Он предложил дифференцировать обстановку преступления как совокупность обстоятельств, способствующих его совершению, в зависимости от группы (вида) противоправных деяний [3, с. 37].

В качестве наиболее значимого компонента обстановки совершения преступления В.Н. Карагодин выделил порядок организации процессов, путем воздействия на которые воплощался в действительность преступный замысел. Тем самым ученый подчеркнул, что изучение обстановки преступления не может ограничиваться исследованием лишь общих для всех видов противоправных деяний факторов окружающей среды. Должны также учитываться условия общественных отношений, внутри которых совершается посягательство, порождающее их дисбаланс в виде общественно опасных последствий.

В связи с этим мы считаем важным указать, что специфика мошенничества в сфере кредитования выражается в качественных характеристиках обстановки, придающих криминалистическое значение условиям, формируемым процедурными аспектами тех финансовых отношений, посредством которых и реализуется преступный замысел.

И.Н. Букаева в своем диссертационном исследовании подчеркнула, что для каждого вида экономических преступлений характерна своя внешняя социальная среда, формируемая правилами, положениями, регулируемыми отношения, лежащие в социально-экономической сфере, в рамках которых реализуется противоправный замысел [4, с. 67].

Г.А. Густов указал, что состояние правового регулирования соответствующих правоотношений (наличие законов, указов президента, постановлений правительства, инструкций, указаний, положений, правил и иных нормативных документов, разрабатываемых отраслевыми министерствами, комитетами и комиссиями, Центробанком) является неотъемлемой частью обстановки в определенной сфере хозяйственной деятельности, изучение которой обязательно для понимания обстановки преступления, совершаемого в данной отрасли [5, с. 31].

Обобщая все изложенное, рационально заключить, что обстановка кредитного мошенничества включает в себя, помимо обязательных атрибутов – места и времени совершения хищения [6, с. 52], также массу условий, образуемых внутренними положениями кредитора, в отношении которого такое хищение совершается, и условия, разрабатываемые на основании указаний и положений соответствующего регулятора.

Вместе с тем для целей понимания обстановки рассматриваемого вида преступлений стоит разграничивать мошенничества, совершаемые при потребительском и корпоративном кредитовании. Необходимость этого обусловлена различием способов организации отношений, объемом хищений, реализуемых посредством каждого из названных видов кредитования, и, соответственно, степенью контроля исполнения обязательств по сделке, осуществляемого банком как на стадии ее совершения, так и в процессе ее исполнения.

Идея предложенной дифференциации в полной мере согласуется с суждениями Г.А. Матусовского, назвавшего, помимо общих, частные факторы, определяющие условия совершения того или иного экономического преступления, к которым он отнес характер используемых преступником операций (в том числе финансовых), процесс их выполнения (невыполнения), объем операций, а также состояние контроля за выполнением [7, с. 81]. Мы видим, что ученым были названы черты финансового механизма, в сущности, отличающие потребительское кредитование от кредитования предприниматель-

ской деятельности. Однако представляется наиболее рациональным включить в обстановку совершения кредитного мошенничества (как при потребительском, так и при корпоративном кредитовании) следующие элементы:

- место совершения преступления;
- время совершения преступления;
- условия кредитования, предусмотренные положениями финансового учреждения, предоставляющего заем в рамках того или иного банковского продукта, используемого для получения преступником ссуды;
- мероприятия, проводимые для целей контроля сведений, получаемых кредитором от заемщика.

Итак, говоря об обстановке мошенничества, реализуемого посредством потребительского кредитования, необходимо указать, что местом его совершения выступает помещение офиса финансового учреждения, предоставляющего ссуду, либо торговые залы сетевых магазинов электроники, автодилеров и других торгующих субъектов, размещающих представительства банков для продажи товаров в кредит. Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на способ достижения цели хищения ссудных средств, связанных с территориальной локацией действий злоумышленника, является организация контроля клиентской зоны со стороны службы безопасности, в том числе реализуемого посредством видеонаблюдения не только за зоной обслуживания, но и за прилегающей территорией.

Опираясь на результаты анализа судебно-следственной практики, стоит указать, что хищения рассматриваемого вида в подавляющем большинстве совершаются в будние дни с 10.00 до 14.00. На наш взгляд, объяснение тому кроется в желании мошенника при совершении хищения избежать периода высокого клиентопотока на месте совершения преступления, тем самым исключив появление случайных свидетелей его противоправных деяний.

Другим существенным фактором, детерминирующим действия кредитного мошенника, является масштаб банка. Так, финансовые учреждения с широкой сетью представительств активно аккумулируют сведения о своих клиентах, фиксируя любые их операции, что позволяет без труда анализировать многие аспекты финансовых возможностей заемщиков. Кроме того, крупные кредиторы используют более эффективные методы и более точные средства контроля поступающих от потенциальных заемщиков сведений, разрабатывают детальные алгоритмы действий сотрудников на каждом этапе согласования заявки на кредит, в то время как мелкие кредиторы проявляют формальный подход при выдаче займа, не утруждаясь проверкой данных клиента.

Крупные банки очень редко представлены в местах реализации товаров в кредит. Вместе с тем именно такие представительства, как показывает

следственная практика, в подавляющем большинстве используются для мошенничества посредством потребительского кредитования. В сущности, это обусловлено, во-первых, отсутствием необходимости обоснования получения кредита, поскольку денежные средства выдаются на покупку товара, во-вторых, потоковым характером проверки контрагента, в-третьих, отсутствием на месте заключения сделки исчерпывающих средств анализа передаваемой специалисту документации.

Существенным условием, определяющим характер преступлений рассматриваемого вида, является возможность содействия хищению работниками кредитной организации. При получении такого содействия значительно менее затруднительным для злоумышленников оказывается их соответствие требованиям, образуемым условиями кредитования, а также существенно снижается риск выявления фальсификации сведений, передаваемых кредитору. То есть привлечение к участию в преступлении работников кредитора способно оказать влияние сразу на два компонента обстановки мошенничества в сфере потребительского кредитования, которые мы привели ранее.

В частности, за счет действий представителя банка могут быть скорректированы в благоприятную для преступника сторону порядок получения кредитором данных о заемщике, их оценка, обработка, анализ. Могут быть оставлены без внимания явные несоответствия в представляемых заемщиком документах. Воздействуя на процесс совершения кредитной сделки, сотрудник способен самостоятельно создавать условия его недостаточного контроля, тем самым вуалируя кредитный риск.

Кредитование предпринимательской деятельности носит несколько иной, отличный от потребительского кредитования, характер как с процедурной точки зрения, так и с позиции ориентации на ключевые признаки контрагента. Сразу отметим, что в корпоративное кредитование входит правовое взаимодействие банка с организациями и индивидуальными предпринимателями, то есть со всеми субъектами, действующими с целью извлечения прибыли. Из этого следует, что причиной обращения заемщика в банк с предложением о заключении кредитной сделки является намерение получить финансирование хозяйственной деятельности для увеличения доходов предприятия. То есть банк придает меньше значения доходам заемщика, предполагая увеличение платежеспособности последнего за счет использования займа, по сравнению с кредитованием физических лиц. Таким образом, характер проверки заемщика состоит из двух критериев:

- определения обеспечения кредитных обязательств;
- определения стабильности финансовых показателей юридического лица.

В зависимости от этого формируется обстановка хищения коммерческого кредита.

Местом хищения по-прежнему остается помещение банка, специально оборудованное для взаимодействия с корпоративными клиентами, исключая присутствие лиц, не задействованных в совершении сделки. В помещении также организуется видеонаблюдение, при этом оно не оказывает столь существенного влияния на поведение преступника, нежели хищение потребительского кредита, поскольку многие организационные вопросы по сделке решаются через представителей заемщика. В сущности, лицо, заключающее договор от имени заемщика, в силу конструктивно-правовых особенностей хозяйствующих субъектов, а также разнообразия способов организации правоотношений может и не быть причастным к мошенничеству. Следовательно, записи видеокамер могут фиксировать лишь последовательность действий при заключении сделки и вряд ли при расследовании будут использованы в качестве средства идентификации личности преступника, что принимается во внимание злоумышленниками.

Рассмотрим особенности обстановки мошенничества, способные кардинально повлиять на ход события преступления. В этой связи подчеркнем, что ввиду многоаспектности процедуры кредитования предприятий и предпринимателей место и время совершения преступлений оказываются несколько размытыми. То есть время и место совершения преступления коррелируют с условиями предоставления займа, а также мерами, направленными на контроль сведений, представляемых в обоснование заявки на долговое финансирование.

Здесь необходимо пояснить, что передача кредитору сведений о деятельности заемщика реализуется в несколько этапов, поскольку в ходе согласования заявки на кредит сотрудниками кредитной организации совершается множество проверочных действий, в том числе выезд в место расположения организации с целью ознакомления с производственной деятельностью предприятия, организацией хранения продукции, мест ее реализации и т. д.

Несмотря на то что формально местом совершения преступления признается место пресечения или окончания противоправных действий преступника, обстановку столь неординарного хищения, как мошенничество в сфере корпоративного кредитования, необходимо исследовать с учетом всего разнообразия территориальных фрагментов, в которых происходило взаимодействие между заемщиком и банком на стадии формирования кредитных правоотношений. При этом необходимо учитывать длящуюся во времени ситуационную последовательность передачи кредитору ложной информации, в том числе в форме наглядной демонстрации сведений, отраженных в соот-

ветствующей документации. Также необходимо учитывать факторы, возникающие на каждой локации, среди которых могут быть такие как система видеонаблюдения на предприятии заемщика, погодные условия во время проведения названных мероприятий, освещенность помещений, организация охраны и т. д.

Несомненно, определенную роль в хищении корпоративного займа играет содействие реализации преступного замысла со стороны сотрудников банка, в отношении которого совершается мошенничество. При этом такое содействие, в отличие от мошенничества в сфере кредитования физических лиц, не является столь определяющим фактором в силу незаурядности процедуры предоставления займа. Так, при кредитовании субъектов предпринимательства задействуется существенно большее количество профильных подразделений банка, что не позволяет даже сотруднику кредитора манипулировать данными его контрагента.

Помимо прочего, существенным условием совершения мошенничества в сфере корпоративного кредитования, образуемым процедурными аспектами оценки стабильности финансовых показателей заемщика, является усложнение контрольных мероприятий со стороны кредитора пропорционально запрашиваемой сумме займа. То есть мошенник, реализуя хищение, находится в условиях, в которых размер ссуды определяется исходя из объема ложной или недостоверной информации о финансовом состоянии заемщика – юридического лица. Чем менее стабилен бизнес, чем выше вероятность невозврата займа и шанс раскрытия попытки это скрыть, тем качественнее должна быть фальсификация данных и тем меньше должен быть размер займа.

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу о том, что обстановка мошенничества, реализуемого посредством совершения сделки кредитования предпринимательской деятельности, определяется весьма большим разнообразием факторов, которые довольно сложно типизировать. Вместе с тем на основе обобщения судебно-следственной практики нам удалось выделить наиболее характерные условия, в которых действует преступник, преследуя цель хищения заемных средств, что позволило определить характер их влияния на механизм преступления, в частности на выбор злоумышленником способа хищения.

В отличие от мошенничества в сфере потребительского кредитования, в качестве ключевых условий совершения которого мы назвали пространственно-временные факторы, а также факторы, образуемые причастностью к преступлению сотрудника банка, обстановка мошенничества в сфере корпоративного кредитования преимущественно складывается из организационных аспектов самого кредитного процесса. То есть изучение обстановки в

ходе расследования конкретного преступления необходимо выстраивать в зависимости от вида кредитования, посредством которого было реализовано хищение, с учетом условий, образуемых особенностями каждого из них.

Список использованной литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юристъ, 1997. Т. 2. 518 с.
2. Яблоков Н.П. Криминалистика : учебник. 3-е изд. М. : Юристъ, 2005. 781 с.
3. Криминалистика : учебник / В.А. Адамова, Ю.П. Голдованский, А.С. Лазари и др. ; под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. М. : Юрид. лит., 1993. 592 с.
4. Букаева И.Н. Обстановка совершения преступления, получение и использование информации о ней при расследовании уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 222 с.
5. Густов Г.А. Расследование должностных хищений в торговле. Ч. 1. Криминалистическая характеристика преступлений. Л., 1991. 150 с.
6. Кудряшова О.А. Криминалистическое значение обстановки совершения преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2011. № 27. С. 9–54.
7. Матусовский Г.А. Экономические преступления: криминалистический анализ. Харьков : Консум, 1999. 480 с.

References

1. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki* [Forensics course]. Moscow, YUrist" Publ., 1997, vol. 2. 518 p.
2. Yablokov N.P. *Kriminalistika* [Forensics]. 3rd ed. Moscow, YUrist" Publ., 2005. 781 p.
3. Adamova V.A., Goldovansky Yu.P., Lazari A.S., Lyubichev S.G., Merkurisov V.Kh., Mikhailov Yu.M., Panteleev I.F., Savkin A.F., Selivanov N.A., Skorchenko P.T., Khilobok M.P.; Panteleev I.F., Selivanov N.A. (eds.). *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1993. 592 p.
4. Bukaeva I.N. *Obstanovka soversheniya prestupleniya, poluchenie i ispol'zovanie informacii o nej pri rassledovanii ugovolnyh del. Kand. Diss.* [Situation of Committing a Crime, Obtaining and Using Information About It in the Investigation of Criminal Cases. Cand. Diss.]. Tyumen, 2006. 222 p.
5. Gustov G.A. *Rassledovanie dolzhnostnyh hishchenij v torgovle* [Investigation of Titular Theft in Trade]. Leningrad, 1991. 150 p.

6. Kudryashova O.A. Forensic Significance of the Crime Situation. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2011, no. 27, pp. 9–54. (In Russian).

7. Matusovsky G.A. *Ekonomicheskie prestupleniya: kriminalisticheskij analiz* [Economic Crimes: Forensic Analysis]. Kharkov, Konsum Publ., 1999. 480 p.

Информация об авторе

*Тагиров Руслан Амирович –
аспирант кафедры криминалистики
Института права Башкирского
государственного университета,
г. Уфа;
e-mail: ratagirov.sbr@yandex.ru*

Information about the Author

*Tagirov Ruslan Amirovich –
Postgraduate Student of the Chair of
Criminalistics of the Institute of Law,
of the Bashkir State University, Ufa;
e-mail: ratagirov.sbr@yandex.ru*

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 34.096

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.8

У. М. Мурзабулатов

ПУТЬ К КОДИФИКАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ СИСТЕМАТИЗАЦИЮ СТАДИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Дата поступления 17 июня 2020 г.

Исполнительное производство во всех государствах, в том числе в Российской Федерации, имеет свою специфику, обусловленную, с одной стороны, особенностями национальной правовой системы, с другой стороны, сложившейся практикой и правосознанием.

Ключевые слова и фразы: кодификация исполнительного права Российской Федерации, стадии исполнительного производства, сроки в исполнительном производстве, примирительные процедуры, судебный контроль за исполнением.

U. M. Murzabulatov

EXECUTIVE LAW CODIFICATION THROUGH SYSTEMATIZATION OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS STAGES

Enforcement proceedings in all states, including the Russian Federation, have their own specifics, determined, on the one hand, by the peculiarities of the national legal system, and, on the other hand, by past practice and legal consciousness.

Keywords and phrases: executive law codification of the Russian Federation, enforcement proceedings stages, limited time in enforcement proceedings, conciliation, judicial control over enforcement.

Исполнительное производство, заключающееся в законном и своевременном исполнении требований правовых норм и гарантирующее защиту прав и свобод субъектов, заинтересованных в исполнении исполнительных

документов, занимает особое место в системе права. Чрезвычайно важна в этом плане выработка действенной системы процессуальных средств с целью оптимизации процесса исполнения в направлении правильности и своевременности исполнительного производства.

Однако в правовом регулировании исполнительного производства все еще остается большое количество пробелов, которые необходимо устранить для совершенствования данного института. Полагаем, что наука исполнительного права в тесной связи с практикой должна добиться кодификации исполнительного законодательства, что способствовало бы качественному исполнению требований исполнительных документов.

Безусловно, путь к кодификации исполнительного права лежит через создание системы стадий исполнительного производства, а, как мы знаем, в действующем Федеральном законе «Об исполнительном производстве» отсутствует четкое определение понятия «стадия исполнительного производства». Существует лишь доктринальное утверждение наличия таких стадий.

Попытки создания Кодекса исполнительного производства были предприняты в середине 2000-х годов учеными-цивиристами под руководством В.М. Шерстюка [1], однако до сих пор он не принят, так как правоприменительная практика показала, что не все идеально в этом направлении. В частности, положенные в основу проекта Кодекса правовые нормы, действующие в сфере принудительного исполнения, постоянно редактируются, чего, конечно же, не терпит ни одна кодифицированная норма.

Кроме того, по нашему мнению, необходимо внести определенные коррективы и в само понятие «исполнительное производство». Так, исполнительным производством называется и научная сфера, и учебная дисциплина, и сама деятельность службы приставов, и конкретное юридическое дело, которое ведет судебный пристав-исполнитель. Это создает немало проблем при изучении данной учебной дисциплины и в работе судебных приставов. Считаем, что было бы корректным и понятным назвать учебную дисциплину исполнительным правом, деятельность судебного пристава-исполнителя – исполнительным производством, а дело, которое он возбуждает, ведет и завершает, – исполнительным делом.

Сейчас в исполнительном производстве – одном из видов юридического (правоприменительного) процесса – этапы принудительного исполнения четко не выделяются, а это необходимо для обеспечения его эффективности [2, с. 107]. Основаниями разграничения этапов принудительного исполнения, по нашему мнению, должны стать содержательный и временной критерии. Также необходимо установить и конкретные процессуальные сроки каждого этапа [3, с. 26].

Безусловно, основу Исполнительного кодекса должны составлять нормы действующего Федерального закона «Об исполнительном производстве», но измененные и дополненные. Так, опираясь на положительный опыт законодательства зарубежных стран – Франции, Нидерландов и ряда других, необходимо четко выделить примирительные процедуры между должником и взыскателем, одновременно обозначив роль судебного пристава-исполнителя в этих процедурах. В нормах ныне действующего законодательства об исполнительном производстве роль судебного пристава-исполнителя сведена на нет. Таким образом, во-первых, необходимо вменить в обязанность судебного пристава-исполнителя проведение примирительных процедур, во-вторых, наделить его правом утверждать мировое соглашение, как это предусмотрено в законодательстве Республики Молдовы [4, с. 176].

Также необходимо законодательно установить процессуальный срок принудительного исполнения в один год, а не в два месяца, как это предусмотрено ч. 1 ст. 36 указанного закона. Практика показывает, что именно этот срок является оптимальным. В то же время согласно ч. 8 той же ст. 36 истечение двухмесячного срока совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения не является основанием для прекращения или окончания исполнительного производства. То есть ст. 36 содержит противоречащие друг другу положения. Задача законодателя – устранить данный пробел.

В случае законодательного закрепления годичного срока для принудительного исполнения и отмены ч. 8 ст. 36 будет установлен конкретный, реальный процессуальный срок принудительного исполнения, который будет служить ориентиром не только для взыскателя, но и для органов, осуществляющих контрольные функции, ибо сегодня наличие ч. 8 ст. 36 позволяет судебному приставу-исполнителю продолжать принудительное исполнение по своему усмотрению на протяжении неопределенного времени. Кроме того, для органов контроля и надзора истечение срока принудительного исполнения и неисполнение судебным приставом требований исполнительного документа в установленный законом срок будет основанием для предъявления к нему соответствующих требований.

Также мы считаем необходимым запретить судебным приставам-исполнителям по окончании исполнительного производства отправлять исполнительный лист взыскателю по почте, так как нередки случаи утери исполнительных документов при отправке их через почтовую службу. Считаем, что исполнительный лист должен быть вручен взыскателю лично либо сдан в архив, откуда взыскатель сможет его забрать опять-таки лично.

Согласно ст. 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» взыскатель вправе обратиться в суд с исковым заявлением о восстановле-

нии его нарушенного права и о возмещении морального ущерба по окончанию исполнительному производству. В этом случае на основании изучения доводов истца, судебного пристава-исполнителя и материалов исполнительного производства суд может либо признать действия судебного пристава законными и продлить принудительное исполнение еще на год, либо признать действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя незаконными, привлечь его к юридической ответственности (гражданско-правовой, дисциплинарной, административной, уголовной) и продлить срок принудительного исполнения еще на год. Все эти новшества, если они будут внесены в законодательство, позволят судебным органам более эффективно осуществлять контрольные функции за исполнением судебных решений приставами, на отсутствие которых российские правоведаы указывали на протяжении двух столетий [5, с. 76].

Предложенная система стадий исполнительного производства позволит законодателю более четко обозначить ход движения исполнительных действий судебного пристава в процессе принудительного исполнения и послужит основанием для создания Кодекса исполнительного права РФ, необходимость которого уже доказана современной практикой работы сотрудников ФССП РФ.

Список использованной литературы

1. Проект Исполнительного кодекса Российской Федерации / отв. ред. Г.Д. Улетова. СПб., 2004. 254 с.
2. Мурзабулатов У.М. Стадийность исполнительного производства – гарантия своевременности исполнения требований исполнительного документа // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2. С. 106–110.
3. Валеев Д.Х., Фархтдинов Я.Ф., Челышев М.Ю. Пособие по исполнительному производству для судебных приставов-исполнителей : учеб. пособие / отв. ред. И.В. Решетникова. М. : Статут, 2000. 304 с.
4. Мурзабулатов У.М. Примирение сторон исполнительного производства как составляющая отношений добровольного исполнения исполнительного документа // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 г. / под общ. ред. В.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катковой ; Северо-Зап. филиал ФГБОУ ВО «Российск. гос.ун-т правосудия». СПб. : Астерион, 2019. Ч. 1. С. 176–179.
5. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. (Древность и Средние века) / сост. В.А. Томсинов. 2-е изд., доп. М. : Зерцало-М, 2004. 549 с.

References

1. Uletova G.D. (ed.). *Proekt Iсполnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Draft Executive Code of the Russian Federation]. Saint-Petersburg, 2004. 254 p.
2. Murzabulatov U.M. Stages of Enforcement Proceedings as a Warrant of Timeliness of Executing Enforcement Document Requirements. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 2, pp. 106–110. (In Russian).
3. Valeev D.Kh., Farkhtdinov Y.F., Chelyshev M.Yu.; Reshetnikova I.V. (ed.). *Posobie po ispolnitel'nomu proizvodstvu dlya sudebnyh pri-stavov-ispolnitelej* [Manual on Enforcement Proceedings for Bailiffs]. Moscow, Statut Publ., 2000. 304 p.
4. Murzabulatov U.M. The Reconciliation of the Parties to the Enforcement Proceedings as a Component of the Relations of Voluntary Execution of the Enforcement Document. In Orechko V.P., Kuzbagarov A.N., Katukova S.Yu. (ed.). *Primiritel'nye procedury v civilisticheskom prave i sudoproizvodstve* [Reconciliation Procedures in Civil Law and Legal Proceedings]. Saint-Petersburg, Asterion Publ., 2019, vol. 1, pp. 176–179. (In Russian).
5. Tomsinov V.A. *Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. (Drevnost' i Srednie veka)* [History Reader of State and Law of Foreign Countries. (Antiquity and the Middle Ages)]. 2nd ed. Moscow, Zercalo-M Publ., 2004. 549 p.

Информация об авторе

*Мурзабулатов Урал
Муллахметович* – кандидат
юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского
процесса Института права
Башкирского государственного
университета, г. Уфа;
e-mail: ral.murzabulatov.59@mail.ru

Information about the Author

Murzabulatov Ural Mullahmetovich –
Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor, Head of the
Chair of Civil Procedure
of the Bashkir State University, Ufa;
e-mail: ural.murzabulatov.59@mail.ru

УДК 347.95

DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.6.9

Е. Л. Слепнёв, Г. Е. Галеева

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Дата поступления 9 июня 2020 г.

Исполнительное производство представляет собой одну из относительно молодых и динамично развивающихся отраслей российской правовой системы, что требует постоянной и более углубленной разработки научных представлений о сущности и содержании ее правовых норм и правовых механизмов на основе присущих ей принципов. Прежде всего, принципы исполнительного производства вытекают из общеправовых принципов, отражающих экономические, политические, социальные процессы и обуславливающие необходимость комплексного развития данной отрасли права. Последовательное развитие доктринального представления и своевременного правильного законодательного воздействия на общественные отношения в сфере принудительного исполнения объективно вызывает необходимость учитывать специфические особенности реализации судебных актов, а также актов других органов и должностных лиц. Исполнительное производство в этой связи рассматривается как один из инструментов обеспечения эффективности системы принудительного исполнения.

Ключевые слова и фразы: общеправовые принципы, развитие отраслевых принципов исполнительного производства, отрасль права, сфера правового регулирования, правовые механизмы осуществления деятельности по реализации судебных актов и актов других органов и должностных лиц.

E. L. Slepnev, G. E. Galeeva

PRINCIPLES OF ENFORCEMENT PROCEEDING

The enforcement proceeding is one of the relatively young and dynamically developing branches of the Russian legal system, it requires a constant and indepth development of scientific theorizing about the nature, content of its legal norms and legal mechanisms based on its principles. First of all, the principles of enforcement proceedings follow from general legal principles that reflect economic, political, social processes and dictate the need for the overall development of this branch of law.

The consistent development of the doctrinal approach, correct and well-timed legislative influence on social relations in the field of compulsory enforcement makes it necessary to take into account the specific features of the judicial acts implementation, as well as acts of other bodies and other officials. Enforcement proceedings in this regard are considered as one of the tools to ensure the effectiveness of the enforcement system.

Keywords and phrases: general principles of law, development of branch principles of enforcement proceeding, branch of law, sphere of legal regulation, legal mechanisms for the implementation of judicial acts and acts of other bodies and officials.

Органы принудительного исполнения, осуществляя действия по правильному и своевременному исполнению актов суда и актов других органов и должностных лиц, выполняют задачу государства по обеспечению верховенства права. При этом в соответствии с российским законодательством органы принудительного исполнения вправе возлагать на иностранные государства, физических лиц, юридических лиц, а также публично-правовые образования Российской Федерации обязанности по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты средств и иного имущества либо по совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий (ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Такая деятельность органов принудительного исполнения Российской Федерации согласуется с вектором развития фундаментальных принципов, содержащихся в Глобальном кодексе принудительного исполнения Международного союза судебных исполнителей (UIIJ) [1].

На основе общеправовых принципов в исполнительном производстве получают развитие специальные (утилитарные) принципы правового регулирования общественных отношений, связанных с правильным и своевременным исполнением судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Отдельные общеправовые принципы и специальные принципы, закрепленные в федеральных законах, регулирующих исполнительное производство, позволяют в их совокупности определять отрасль права.

По мнению В.М. Реуфа, «Специальные юридические принципы права, в отличие от других общеправовых принципов (нравственно-этических и социально-политических), отражают специфику собственно правовой материи, характеризуют право с организационной и функциональной стороны» [2, с. 6]. Утверждение названного ученого о критериях определения специальных юридических принципов права в полной мере относится и к такой отрасли права, как исполнительное производство.

Отечественной юридической наукой с учетом практики выработаны свои, присущие данной отрасли специальные принципы права. В случае от-

сутствия нормы, позволяющей дать правовую квалификацию действиям или явлениям объективной реальности, судебный пристав-исполнитель вправе рассмотреть юридическую коллизию с применением общеправовых, межотраслевых принципов в их соотношении со специальными принципами данной отрасли права, а также выявить их смысл, дух, что обеспечит принятие правильного решения. При этом существенное влияние на правильную оценку возникшего неурегулированного (спорного) отношения оказывает судебная практика и, в частности, правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых обосновывается не только смысл конституционных норм, но и раскрывается содержание общеправовых и специальных принципов правового регулирования отношений конкретной отрасли права.

Удовлетворение требований сторон обеспечивается, прежде всего, действием общеправового принципа законности в исполнительном производстве [3], согласно которому субъекты исполнительного производства обязаны соблюдать предписания правовых норм всех отраслей права, регулирующих отношения, связанные с их требованиями и интересами. Например, взыскатель имеет право на восстановление своего имущественного положения в соответствии с правовыми нормами ГК РФ, а также с решением суда и его исполнительным документом. Взыскатель вправе получить содействие государственного органа в понуждении должника к исполнению судебного решения и (или) акта иного органа или должностного лица. В целях защиты имущественных интересов должника в соответствии с законом об исполнительном производстве ему предоставляется возможность выбора мер исполнения своих обязанностей. Для этого он вправе предложить перечень имущества для первоочередной реализации по исполнительным документам и требовать защиты своей частной жизни и частной жизни семьи, а также минимальное имущество, необходимое для жизни, предусмотренное законодательством. Глобальный кодекс исполнительного производства предусматривает, что взыскание может быть обращено на все имущество должника, за исключением имущества, обладающего иммунитетом от взыскания в соответствии с нормами национального права.

В практике применения отдельных правовых норм исполнительного производства имеют место случаи, когда возникает необходимость обращения к специальным отраслевым принципам исполнительного производства, закрепленным в ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве», в их взаимосвязи с принципами других отраслей права. Преимущественно такая необходимость возникает при осуществлении принудительного исполнения по исполнительным документам судов по взысканию денежных средств и имущества. Порядок принудительного исполнения судебных актов,

актов других органов и должностных лиц предусматривает условия передачи названных вещей гражданам и организациям.

Специальные принципы исполнительного производства, закрепленные в одноименном федеральном законе, обеспечивают в правоприменительной практике судебному приставу-исполнителю возможность правильно квалифицировать (оценить) то или иное действие, необходимое для исполнения в процессе исполнительного производства, в точном соответствии с правовыми нормами. В этой связи в отечественном исполнительном производстве получают развитие специальные принципы правового регулирования общественных отношений, связанные с правильным и своевременным исполнением судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Соблюдение этих принципов, оказывающих воздействие на общественные отношения в специфической сфере правового регулирования, осуществляется через правовые механизмы, модернизацию процедур, обеспечивающих удовлетворение требований взыскателя и защиту прав должника.

Законодательство об исполнительном производстве состоит из множества правовых норм, императивных и диспозитивных. Последние связаны с тем, что в исполнительном производстве действия судебных приставов-исполнителей направлены на исполнение актов, предусматривающих реализацию требований взыскателей как имущественных, так и неимущественных прав граждан и юридических лиц. Очевидно, что исполнение судебного решения по смыслу ч. 1 ст. 46 Конституции РФ следует рассматривать как судебную защиту. Поэтому правовые механизмы исполнительного производства обеспечивают принудительное исполнение судебного решения и актов других органов и должностных лиц при соблюдении прав и законных интересов сторон. Судебные акты и акты других органов и должностных лиц, поступающие в Федеральную службу судебных приставов и ее территориальные органы, в большинстве своем имеют материально-правовую природу субъективных прав как взыскателя, так и должника, поэтому в судебном процессе отношения между ними преимущественно регламентируются в соответствии с гражданско-правовыми принципами. Следовательно, принудительные действия судебных приставов-исполнителей, направленные на исполнение судебных актов и актов иных органов и должностных лиц, должны соответствовать как общеправовым принципам, так и принципам других отраслей права, оказывающим влияние на определение принципов законодательства об исполнительном производстве.

В частности, действие гражданско-правового принципа диспозитивности в исполнительном производстве закреплено в ряде норм, в соответствии с которыми сторонам по своей воле предоставляется возможность выбора мер принудительного исполнения акта, составленного соответствующим органом

или должностным лицом. Так, взыскатель вправе заявить требование о наложении ареста на имущество должника, а должник при возбуждении исполнительного производства – указать иной адрес, по которому судебный пристав-исполнитель должен направлять извещения, уведомления и другие сведения, указать иное имущество для удовлетворения требований взыскателя. В случае поступления в службу судебных приставов исполнительного документа должнику предоставляется возможность добровольно исполнить содержащиеся в нем требования в срок, установленный законом.

Взыскатель и должник вправе реализовать и другие возможности, в частности предусмотренные ст. 50 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Так, в указанной статье предусматривается окончание исполнительного производства заключением мирового соглашения или соглашения о примирении сторон. Безусловно, применением такой нормы обеспечивается один из основных отраслевых принципов исполнительного производства – своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения. Реализация названной возможности окончания исполнительного производства действиями взыскателя и должника на всех этапах процесса исполнительного производства намного сокращает сроки исполнения судебных актов и актов других органов и должностных лиц.

Предусмотренное в рамках действия принципа диспозитивности в исполнительном производстве заключение мирового соглашения определено порядком, установленным гл. 14.1. ГПК РФ, гл. 15 АПК РФ, ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об исполнительном производстве», а также ст. 137 КАС РФ. Осуществление примирительных процедур предусмотрено и другими федеральными законами. Согласно порядкам, закрепленным в правовых актах, а также разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ мировое соглашение или соглашение о примирении сторон, заключенные в процессе исполнения судебного акта, утверждаются судом, при этом судебный акт остается в силе.

Обращение сторон в суд об утверждении мирового соглашения, совершенного в процессе исполнительного производства, требует временных затрат суда в связи с необходимостью в ограниченный законом срок подготовить дело к разбирательству. Рассматривая такое обращение в месячный срок со дня его поступления, суд исследует фактические обстоятельства спора, доводы, доказательства, в том числе новые, а также ходатайства в целях обеспечения соответствия мирового соглашения общеправовому принципу законности. При этом он оценивает, соответствует ли мировое соглашение материальным и процессуальным нормам, не нарушает ли оно права и законные интересы других лиц.

Однако возможность заключения мирового соглашения или соглашения о примирении сторон и последующего утверждения их в судебном порядке,

как это часто следует из анализа практики, является лишь одним из способов злоупотребления должником правом с целью продления срока процесса принудительного исполнения.

Другим вполне легитимным способом продления срока неисполнения должником исполнительного документа является обстоятельство, предусмотренное ч. 3 ст. 153.10 ГПК РФ и ч. 3 ст. 141 АПК РФ. Согласно названным правовым нормам в случае неявки в судебное заседание должника или взыскателя, заключивших мировое соглашение и извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, вопрос о его утверждении не рассматривается, если от сторон не поступало заявление о рассмотрении данного вопроса в их отсутствие. Следовательно, недобросовестный должник, не явившийся на судебное заседание, своими действиями отсрочил исполнение своих обязательств. Безусловно, такие действия нарушают специальный отраслевой принцип своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения.

Статистические данные о деятельности судов неизменно свидетельствуют об избыточной нагрузке на судей. Так, в 2019 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 19,6 млн гражданских дел, что на 13 % больше по сравнению с 2018 г. Арбитражные суды в 2019 г. рассмотрели 1,879 млн споров, а в 2018 г. – 1,9 млн. В 2019 г. процедура медиации проведена всего по 11 экономическим спорам и по 1200 гражданским делам. Мировые соглашения совершены по 200 тыс. гражданским делам и 33 000 экономическим спорам [4].

Между тем возрастает количество споров, не представляющих затруднений при рассмотрении их в судах и не оспариваемых сторонами при принятии судом решений. Например, в 2019 г. количество корпоративных споров составило 20 800 и, по сравнению с 2018 г., увеличилось [4].

С принятием Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» объективно возникает возможность заключения мирового соглашения и примирения сторон в процессе исполнительного производства. Такие соглашения сторон, на наш взгляд, вполне могут утверждаться старшими судебными приставами региональных подразделений Федеральной службы судебных приставов РФ.

Согласно указанному закону старшие судебные приставы региональных подразделений Федеральной службы судебных приставов РФ относятся к старшему начальствующему составу, к ним предъявляются особые квалификационные требования. В частности, они должны иметь соответствующий уровень профессионализма, компетентности, высшее профессиональное образование, стаж работы по специальности, знания и умения. В целом в органах принудительного исполнения созданы условия для исполнения служебных обязанностей и профессионального развития.

Несомненно, законодательная регламентация службы в органах принудительного исполнения повысит качество профессиональной деятельности сотрудников, позволит освоить новые знания и умения для решения задач в процессе исполнительного производства. При этом, осуществляя процессуальные действия, судебные приставы-исполнители должны соотносить их как с правовыми нормами и принципами своей отрасли права, так и с общеправовыми принципами, а также принципами других отраслей права.

Мы предлагаем внести ряд изменений в процессуальное законодательство, что позволит снизить нагрузку на судебную систему и предоставит сторонам исполнительного производства возможность в полной мере воспользоваться своим правом на скорое исполнение судебного акта.

Гражданским процессуальным и арбитражным процессуальным законодательством предусмотрены такие категории дел, как упрощенное производство и судебный приказ. Также возможно заключение сторонами в процессе рассмотрения спора в суде соглашения по фактическим обстоятельствам дела, что дает суду возможность вынесения решения без изложения мотивов его принятия. Мы считаем, что по указанным категориям дел можно предоставить право заключения мирового соглашения взыскателю и должнику в рамках исполнения судебного акта при возбужденном исполнительном производстве именно в рамках конкретного исполнительного производства и утверждения такого мирового соглашения старшим судебным приставом-исполнителем.

Данное предложение преследует несколько целей. Наиболее, с нашей точки зрения, значимая цель – это повышение уровня правосознания и ответственности со стороны должника и взыскателя, умение достигать компромисса участниками спорного правоотношения. Осознавая, что время, затраченное на урегулирование правоотношения, может быть сокращено к обоюдному удовлетворению, стороны исполнительного производства могут достичь обоюдовыгодного результата при заключении мирового соглашения. Также это приведет к снижению нагрузки на судебную систему. Нельзя не отметить, что возложение на службу судебных приставов-исполнителей обязанности по утверждению мирового соглашения в рамках исполнительного производства будет способствовать повышению профессионального уровня этой службы и, как следствие, укреплению доверия со стороны сторон исполнительного производства и населения в целом.

Список использованной литературы

1. Глобальный кодекс исполнительного производства / пер. с англ., коммент. А.А. Парфенчиковой. М. : Статут, 2016. 224 с.

2. Реуф В.М. Специальные юридические принципы права : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. 241 с.

3. Пузииков Р.В. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовск. гос. акад. права», 2010. 701 с.

4. Лебедев В.М. О подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год. URL: <https://www.iuaj.net/node/2808> (дата обращения: 21.05.2020).

References

1. *Global'nyj kodeks ispolnitel'nogo proizvodstva* [Global Code of Enforcement]. Moscow, Statut Publ., 2016. 224 p.

2. Reuf V.M. *Special'nye yuridicheskie principy prava. Kand. Diss.* [Special Legal Principles of Law. Cand. Diss.]. Samara, 2004. 241 p.

3. Puzikov R.V.; Matuzov N.I., Malko A.V. (ed.). *Principy rossijskogo prava: obshcheteoreticheskij i otraslevoj aspekty* [The Principles of Russian Law: General-Theoretical and Sectoral Aspects]. Saratov, Saratovskaya Gosudarstvennaya Akademiya Prava Publ., 2010. 701 p.

4. Lebedev V.M. *O podvedenii itogov raboty sudov obshchej yurisdikcii i arbitrazhnyh sudov za 2019 god i obsuzhdenie zadach na 2020 god* [On Summing Up the Work of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts for 2019 and Discussion of Prospects for 2020]. Available at: <https://www.iuaj.net/node/2808>. (In Russian).

Информация об авторах

Слепнёв Евгений Леонидович – кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа;
e-mail: slepneva-faniya@mail.ru;

Галеева Галина Евгеньевна – старший преподаватель кафедры гражданского процесса Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа;
e-mail: galinagaleyeva@mail.ru

Information about the Authors

Slepnev Evgeny Leonidovich – Candidate of Sciences (Law), Professor of the Chair of Civil Procedure of the Bashkir State University, Ufa;
e-mail: slepneva-faniya@mail.ru;

Galeeva Galina Evgenievna – Senior Instructor of the Chair of Civil Procedure of the Bashkir State University, Ufa;
e-mail: galinagaleyeva@mail.ru